

без охраны на тот берег не суются, но два дня назад в станице открылся соляной базар, и по договоренности с соседями-черкесами на время его проведения объявлялось перемирие. Казаки в эту неделю свободно ездили на тот берег, где многие держали покосы, охотились и рыбачили, а черкесы наведывались в станицу, кто по делам торговым, кто в гости к кунакам. Так что нападение каких-то непонятных горцев на косарей стало полной неожиданностью как для них самих, так и для местных адыгов. Те даже предлагали свою помощь в преследовании горцев, но казаки благоразумно отказались.

Связанных станичников - казаки уже рассмотрели - разместили в центре лагеря, и Осанов опасался, что во время нападения нахрапом, с пашками наголо, могли пострадать и свои. За плечами у Осанова была Турецкая кампания, да и здесь он не первый раз участвовал в боевых столкновениях с черкесами и хорошо представлял себе, как выглядит схватка в сумерках, да еще и туманных. К тому же черкесы могли успеть порешить пленников, пока казаки до них доберутся.

«Нет, - решил для себя есаул, - мы пойдем тишком. Ребята опытные, разве что семнадцатилетний Петр Жук впервые в деле, ну, да вроде он ничего - за весь поход ни разу на себя внимания не обратил: не отстал, не зашумел, среди опытных бойцов не выделялся, а это в рейде главное - нет тут нянек с сосунками возиться».

Он не хотел брать молодого парня в догон, но у того черкесы, напавшие на косарей, убили отца - донского казака, перебравшегося в кубанскую станицу всего пару лет назад, а сестру забрали с собой. Парень упросил Атамана, и тот включил его в отряд Осанова.

- Петр, с лошадьми остаешься, понял? - на всякий случай повторил есаул.

- Понял, - кивнул парень, - я их на полянку отгоню, а то здесь за ними не уследишь. Он поглаживал морду покладистого Кузи, последнего коня в хозяйстве Жуков, молодого, только недавно вставшего под седло. Кобылу и жеребца угнали черкесы.

- Добро, - есаул отметил про себя толковое предложение парня. - Слушай, - он приблизился к Петру, - а что, саблю отцовскую тоже вороги забрали?

Петро кивнул и отвернулся.

- Ну, ничего. Этой саблей отец троих уложил, прежде чем... - есаул неловко кашлянул и уже тверже продолжил, - с Божьей помощью вернешь саблю.

Петро дернулся к командиру.

- Можно я с вами пойду?

Есаул сурово глянул на парня из-под кустистых бровей:

- У тебя свое задание. За коней, между прочим, головой отвечаешь.

Парень смутился. Осанов немного смягчил взгляд:

- Не волнуйся, на твой век черкесов хватит. А за твоего отца мы отомстим, не сомневайся.

Он вытянулся, пытаясь разглядеть в тумане замерших казаков, и негромко крикнул: «Все ко мне!»

Когда казаки приблизились, есаул коротко обрисовал задачу:

- Роденков, - он нашел взглядом поджарого в короткой «горной» бурке казака, - бери двоих - твоя задача снять часовых у табуна. Гоните коней вниз, вдоль балки. Ждите нас в лесу, там, где она заканчивается, если раньше не догоним.

Юшка Роденков молча поправил на поясе кремневый пистолет, выбрал взглядом из столпившихся казаков помощников - те дружно шагнули вперед, отвернулся и тут же скрылся в тумане. За ним, как тени, скользнули двое бойцов.

- Калашников! - из толпы вынырнул круглощекий, обманчиво хрупкий, но опытный и смертельно опасный для врага пластун. - Бери кого хочешь. Пойдете первыми. Задача - снять охрану. Сам понимаешь, шум нам не нужен. Мы пойдем за тобой с пятиминутной задержкой, - он выпрямился и собрал в широкую ладонь - считай, спрятал, аккуратно подстриженную бородку. - Все, казаки! По коням! Бог нам поможет, - Маркоша Осанов перекрестился и мягко шагнул к ближайшему валуну.

* * *

Утро накатывало стремительно, как казачья атака - лава. Клубы тумана выползали из горных ущелий и потихоньку застилали дымкой склоны перевала. В кустах туман рвался клочьями, цеплялся за ветки, неприятной влагой ссыпаясь за воротник, если невзначай шевельнешь кусты. Туман был казакам на руку - затруднял видимость врагу и звуки скрадывал.

Тимофей Калашников разделил людей на двойки. Так легче

подкрасться тихо. Себе в напарники Тимофей взял друга и земляка - вместе перебрались на Кубань из небольшого городка Белгорода лет десять назад - настоящего гренадера в добрую сажень ростом Африкана Митрича. Африкан был из кержаков, но это не мешало им дружить, почитай, с самого детства.

Горцев первым заметил Калашников. Он резко присел и поднял ладонь - «внимание». Митрич пригнулся и осторожно подобрался к Тимофею. Черкесы полулежали в ложбинке между двух высоких камней. Две головы в папах о чем-то тихо переговаривались в пол-оборота к казакам. Самих казаков скрывал густой куст, как Калашников заметил горцев, Африкан так и не понял.

«Ты - слева, я - справа», - показал Калашников жестом.

Казаки бесшумно разошлись в разные стороны. Прежде чем лезть на камень, Тимофей аккуратно уложил под ближайший куст винтовку, зажал в зубах клинок кинжала и поставил ногу в выемку на камне.

Осмотреться не получилось. Медленно вытянув голову над углублением в камнях, Тимофей в ту же секунду столкнулся взглядом с черкесом. Тот застыл с открытым ртом, рука замерла на полпути. Калашников стремительно оттолкнулся от шершавой поверхности камня руками и буквально рухнул на голову горца, медленно поворачивающегося в его сторону.

В то же мгновение с ним было кончено - еще в полете Тимофей успел переложить кинжал в ладонь, и клинок под весом казака легко вошел в шею ниже уха. Второй абрек успел подскочить и даже наполовину выхватить из кривых ножен саблю. Тимофей, оседая вместе с вздрагивающим телом горца, заторможенно следил за его движениями и никак не мог вытащить клинок из чужой шеи - тот застрял в позвонке и не желал выходить.

«Где же Африкан?» - мелькнула, может быть, последняя мысль, но тут свистнул в воздухе клинок, и второй охранник опустил голову, недоуменно разглядывая белую костяную ручку, выглядывающую из левой стороны груди. У него еще хватило сил медленно поднять руку и ухватиться за нее. В следующий момент ноги горца подогнулись, и он мешком осел на землю. Из тумана вынырнул Африкан.

Тимофей выдохнул воздух и вытер локтем капли пота на лбу.

- Ты что так долго? - он наконец выдернул кинжал и сейчас нервно вытирал его о черкеску горца.

- Это не я долго, это ты быстро, - Африкан легко извлек кинжал из груди «своего» часового, - здесь что ли ждать будем?

- Нет, пойдём до лагеря, вдруг кто наших кунаков, - он кивнул на трупы, - проведать надумает. Так мы их встретим.

Казаки вложили клинки в ножны, выбрали ружья, спрятанные за камнями, и на полусогнутых ногах бесшумно скользнули в густеющий туман.

* * *

Командир отряда черкесов Ахмет проснулся от неясной тревоги, вызванной неприятным сном, в котором он долго на ватных ногах убегал от чего-то страшного и неотвратимого. В тот момент, когда, казалось, спасенья нет, он вздрогнул и открыл глаза. Несколько минут он лежал не шевелясь, вглядываясь в светлеющее небо и прислушиваясь к своим ощущениям. Было тихо, только кто-то из товарищей храпел неподалеку. Он оглянулся. В полумраке виднелись две размытые фигуры бойцов, вышагивающих вокруг свернувшихся калачиком, связанных пленных. Ночи в горах холодные, а казаки и их девки одеты легко. Взяли в разгар дня на покосе - самая жара. Ахмет ухмыльнулся: на этих гяурах он неплохо заработает, когда продаст их в дальние аулы, где белые рабы и наложницы ценятся высоко. А одну девку с большими серыми глазами и плотным, точно сметаной налитым телом, которая больше всех царапалась и кусалась, пока ее не вырубил ударом сабли плашмя, он заберет себе. Он любит объезжать горячих кобылиц. У них кровь - огонь, то, что надо настоящему джигиту! Ахмет медленно сел и, вдруг что-то вспомнив, вытянул руку назад. Около седла, которое он использовал как подушку, рука нащупала эфес сабли. «Здесь, слава Аллаху, - он зло оскалился, вспомнил, как яростно сражался с наседавшими горцами владеец дорогого оружия, - шайтан, а не человек, троих лучших бойцов зарубил. И сколько бы еще достал, если бы кто-то из нукеров не подкрался сзади и не набросил на него бурку. Надо расспросить, кто это был, - приедем, подарю ему что-нибудь. - Ахмет немного вытащил из ножен клинок. - Красивый! - Он провел пальцем по молочной в утренних сумерках поверхности сабли. В этот момент из-за скалы выглянул первый луч солнца, и на рукоят-

ке блеснуло зеленым малахитовое вкрапление. Ахмет от восторга даже цокнул языком. - Ах, хорош! Да ради одной этой сабли стоило затевать поход. Эх, а как старейшины возражали против набега, говорили: «Нехорошо во время соляного базара». - Он осуждающе причмокнул языком.

К счастью, Ахмет был сыном самого богатого черкеса в селении. Имел вес в ауле и сумел убедить стариков. Ну, может, не убедить, но и возражать они перестали. Кто же сможет возразить против того, что это самый удобный момент для нападения. Все знают, что казаки в эти дни не ожидают атаки, а потому расслабляются. Так и вышло.

Ахмет потянулся и, накинув перевязь сабли на шею, решительно поднялся. «Надо проверить караулы», - ему все еще не давал покоя тревожный сон.

В этот момент как-то неожиданно резко оборвался храп кого-то из горцев. Ахмет обернулся. Туман медленно спадал, и в мутнеющих разрывах он заметил мелькающие фигуры. Кто-то громко вскрикнул на другом конце лагеря. Ахмет побледнел. Он понял, что происходит. Горец выхватил пашку и, пригнувшись, шагнул назад. Погибать вместе с остальными в последнем уже проигранном бою Ахмет не собирался. В лагере уже гремели выстрелы. Отчаянно кидались на казаков его нукеры, но падали один за другим под твердым напором казаков. Ахмет скользнул назад и через несколько шагов скрылся за кустами. Как только спину закрыла листва можжевельников, он выпрямился и вприпрыжку понесся вниз, на бегу откидывая саблей в ножнах колючие ветки и ловко лавируя между огромными валунами.

* * *

Как только казаки скрылись в кустарнике, Петр, негромко покрикивая и размахивая кнутом, при этом не доводя движение до щелчка, погнал табун вниз по склону между стволами ясеней и буков. Лошади шли охотно, росистая трава на лугу, которую они уже успели попробовать во время короткой остановки, пока казаки ходили на разведку, им понравилась больше жесткой лесной. Чем ниже спускались, тем гуще становился туман. Петр не без основания тревожился - не потерять бы какого скакуна в густом, словно облаком накрытом лесу. Поэтому и бегал от одной лошадки до другой, прыгал через поваленные

стволы, путался в высоченном хвоще, подгонял, вытягивался на цыпочки - следил, чтобы не уклонилась какая в сторону. Когда наконец добрались до поляны, от Жука валил пар. Лошади, выскочив на открывшийся простор и не слыша понуканий человека, сразу успокоились и опустили головы. Петр отдышался и, стараясь ступать неслышно, побрел по краю полянки, поглядывая в сторону табуна. Сквозь молочную пелену блеснул солнечный луч, налетел легкий ветерок, и туман сдвинулся и потек. Утро разгоралось. Жук инстинктивно держался в сумраке под кронами раскидистых деревьев у края поляны. Все это время он ожидал услышать стрельбу, но когда первые глухие выстрелы докатились до его слуха, он вздрогнул и остановился. Некоторые кони тоже перестали пастись и, прислушиваясь, задрали морды. Выстрелы не учащались. Наоборот, раздавались все реже, и Петр забеспокоился, не зная, что же там происходит. Кони успокоились и снова склонились к траве.

Туман почти рассеялся. Промытое туманом открылось чистое синее небо. Налетели комары, укрываться в тенечке становилось все нестерпимей. На гребне скалы затихли всякие звуки: ни выстрелов, ни криков. Петр тревожился и все чаще поднимался по склону и заходил дальше в лес, надеясь услышать что-нибудь определенное. Было тихо. И он снова возвращался к табуну. Внезапно легкая тень мелькнула между деревьев где-то почти позади, на периферии зрения. Петр резко обернулся и присел. Холодный лоб покрылся тяжелыми каплями. Ни один листик не вздрагивал, мирно попискивали комары, парили в светлом потоке еще слабого солнца, постепенно заливающим поляну, потные спины лошадей. «Может, показалось?» - Петр встал на колени, осторожно вытянул голову над высоченными метелками переросшей травы и огляделся. Но тут Казбек - матерый гнедой жеребец есаула - что-то услышал и беспокойно вскинул морду. «Нет, не показалось». Парень пригнулся и осторожно, на корточках, стараясь не качать переросшие стебли, перебрался саженой на двадцать в сторону и прижался спиной к стволу узловатого дуба. Отсюда ему были видны все подходы к поляне. Казбек так и стоял с задранной мордой, конь к чему-то прислушивался и изредка переступал длинными ногами. Его волнение передалось еще нескольким жеребцам, и они тоже перестали пастись и насторожились. Петр примерно определил

для себя место, где мог скрываться враг. То, что это именно враг - горец, он уже не сомневался. И что ему здесь надо, парень тоже догадывался - конечно, конь. Вот только был ли он один? - вопрос, на который еще предстояло дать ответ, как и на другой - видел ли горец Петра? От этих ответов сейчас зависело очень многое. Петр пошевелился и уже было приготовился перебраться под другое дерево - ближе к поляне, как Казбек возмущенно фыркнул и, вскинув морду, отбежал на несколько шагов в сторону. «Вот он где», - Петр бесшумно вдохнул и скользнул к последнему стволу, отделяющему поляну от леса. Осторожно выглянув из-за дерева и приглядевшись, он с трудом различил в траве темное пятно - черкеску. Черкеска приподнялась, и в траве проступил силуэт горца. Похоже, он был один. Враг осторожно обернулся. Жук не разглядел его лицо в подробностях, но нос с крупной горбинкой заметить успел. Петр отпрянул и затаил дыхание. Хотя на таком расстоянии горец вряд ли мог услышать даже тихий голос.

Когда Петр в следующий раз выглянул из-за дерева, враг, пригнувшись, подкрадывался к ближайшему жеребцу. Парень узнал в нем Кузю.

«Ах ты, волчара, на Кузю нацелился. Двух коней забрал, а теперь... Ну, Кузю ты у меня точно не получишь», - Петр бесшумно шагнул вперед.

Горец все-таки слышал. Петр двигался только одновременно с врагом, тот сделает несколько шагов, парень побежит на один-два шага ближе. В потной руке Петр сжимал деревянную рукоять кинжала, другого оружия у него не было. Саблю унесли горцы, а берданку он отдал кому-то из казаков, ушедших в атаку на лагерь. У того на вооружении было только капсульное ружье, а с таким в горах много не навоюешь.

До напряженной спины черкеса оставалось всего с десяток локтей - один стремительный бросок. Петр, почти не дыша, притер сапог в землю и приготовился прыгать, и тут тот внезапно обернулся. Дальше что-то случилось со временем. Почему-то горец оборачивался очень медленно. В расплывшемся воздухе парень сначала увидел крупное оттопыренное ухо с пучком волос, торчащим из раковины. Затем профиль потного носа с горбинкой и оскаленный рот, беззвучно коротко выматерившийся по-черкески - этот язык парень немного знал - у него было не-

сколько хороших товарищей-черкесов. Все, что произошло потом, не отложилось в памяти Жука совершенно. Как будто это случилось не с ним. Не он в бешеном прыжке свалил горца с ног, не он лбом вбил, вплющил хрустнувший нос в побелевшее лицо, и не он, потеряв в схватке кинжал, выхватил из ножен, сжимаемых еще крепкой рукой горца, саблю и без замаха загнал ее в ямочку на шее. Он очнулся в тот момент, когда враг перестал хрипеть и сучить ногами, и расслабленно вытянулся на траве. Петр навис над черкесом, всем телом вжимая саблю в горло противника, и обескураженно смотрел на затихающего горца, на булькающий фонтан крови из раны, и до него постепенно доходило, что враг мертв. Осознав, что еще сжимает уже затекшими пальцами рукоятку сабли, острием, наверняка, зас-
трявшую в земле, он рывком отпустил ее и бессильно осел рядом с трупом. И только тут он понял, что сабля, торчащая из шеи врага, - это оружие его убитого отца.

Планерка

На следующее утро Атаман встал с кровати не сразу. Плохо слушалась рука, ныло, похоже, треснувшее ребро. С трудом, морщась от боли, добрел до ванны. Всмотрелся в зеркало, присвистнул.

- Отделали тебя, Атаман, - он ощупал пальцем вздувшуюся синюю шишку на правой скуле. Потом включил холодную воду и, осторожно согнувшись, подставил под струю синяк на щеке.

Вчера Атаман разогнал, раскидал по кустам жилистые худые тела подростков. Но ему тоже досталось. Несколько ударов в темноте он пропустил, к счастью, пустыми кулаками, без всяких железок. Несмотря на то, что Атаман собственными ушами слышал, как трещали кости, вроде никто серьезно не пострадал. Без сломанных ребер, конечно, вряд ли обошлось. Но, когда бойцы поняли, что драки больше не будет, разбежались все на собственных ногах. Атаман проверил - в кустах никого не осталось. Хотя в этой черноте он мог кого и не углядеть.

Никита Егорович вышел из ванны, негромко насвистывая бодрый мотив шлягера 50-х «Не кочегары мы, не плотники». Жена и дети еще спали. Вере к девяти, она трудилась в сельсовете, где, как сама говорила, - перекладывала бумажки. У детей: десятиклассника Степана и дочки Настеньки - она перешла в седь-

мой класс - подходили к концу летние каникулы - досыпали последние денечки. Наскоро позавтракав, отправился привычным маршрутом на работу. День предстоял определяющий. Сегодня первые патрули должны выйти на дежурство.

На планерке начальник старался не обращать внимания на скрытые в казацких усах улыбки коллег, собравшихся за столом. Быстро разогнав по заявкам буровиков краны, бульдозеры и трубовозы, обсудив и дав задания на сегодня всем службам, он жестом остановил собравшихся уходить земляков:

- Погодите, мужики, поговорить надо.

Не удивившиеся станичники степенно опустили обратно.

Никита Егорович поднялся и выглянул в коридор, где уже дожидался в полном составе актив войска, приглашенный им вчера. Тут были большой, с длинными подвижными руками водитель вахтовки и по совместительству станичный тренер по всем существующим и несуществующим видам спорта Василий Смагин, поджарый, немного суетливый, с постоянно обветренными губами учитель физкультуры центральной школы, фанат лошадей и мастер казачьей джигитовки Андрей Роденков, начальник штаба войска, знаток казачьих обычаев и истории Виктор Иванович Осанов, участковый в милицейской форме, бывший воспитанник районного детдома Петр Журавлев и художник, невысокий, лет сорока, но с гладким круглым юношеским лицом, бывший военрук, а ныне учитель ОБЖ Трофим Линейный.

На скрип петель все как по команде вскинули головы.

- Заходите, казаки, - Атаман широко распахнул дверь. - Извините, что подождать пришлось - производство!

- Да ничего, не оправдывайся, - ответил за всех Виктор Иванович и первым зашел в кабинет.

Как только затих шумдвигающихся стульев, художник и розовощекий механик колонны Виктор Викторович Калашников не удержался и густым голосом выпалил давно вертевшийся на языке вопрос:

- Егорыч, ты уж рассказал бы, где разукрасили так. Никак с жинкой не поладили?

За столом оживились, заулыбались. Никита Егорович остался серьезным:

- Если бы с жинкой. Драку вчера разнимал, ну и врезали мне

пару ласковых. Прутами железными сволочи дрались. К счастью, мне только кулаком перепало.

- Кто такие? - согнал улыбку механик.

- Опять сотненцы. Последнее время они совсем предел потеряли. Правильно мы вчера говорили - ситуацию надо менять комплексно. Для начала наведаться в Павловку и с их Атаманом поговорить. Вот ты, Виктор Иванович, самый из нас опытный, авторитетный, - Никита Егорович обернулся к начальнику штаба, - вот ты с ним и свяжись. Как договоритесь, сообщишь, я подключусь.

Виктор Иванович покивал головой:

- Сегодня же съезжу.

- Второе - патрули! Патрули - это важно. Кстати, график патрулирования готов? - Он перевел взгляд на самого колоритного казака в автоколонне - энергетика Алексея Митрича, выбранного заместителем Атамана.

Митрич был широкогрудый, за два метра ростом, со слегка вытянутым суровым лицом, обрамленным аккуратной полуседой бородой.

Он поднял умные глаза и молча кивнул.

- Понятно, но это только первый шаг, - продолжил мысль Атаман, - если мы и вправду хотим что-то изменить, на полумерах останавливаться нельзя. А самое главное, с чего тоже надо начинать, - наркомания. В нашем случае наркотики - это цыгане. Сколько у нас цыган? - он повернулся к участковому.

Тот поднялся:

- Одиннадцать семей, плюс-минус еще столько же. Сами знаете, как их считать? Прописаны двое, живут пятьдесят.

- И что, все торгуют? - поинтересовался станичный тренер Смагин.

За участкового ответил Атаман:

- Тут разбираться бесполезно, кто продает, а кто только на шухере стоит. У них круговая порука. Тут надо, как с чирием. Гнилой ствол один, а выдавливают все гнилье вокруг. Иначе не вылечишь.

- Правильно, - поддержали сразу несколько голосов.

- Предлагаю сегодня же вечером сделать рейд по цыганским хатам. Посмотрим, что у них в закромах, какие-такие наркотики? Всех сразу не охватим - сил не хватит, а вот самых зло-

стных наркоторговцев прижучить надо. Петя нам наводочки даст, да и сам участие примет. Так, Петр Сергеевич?

Тот кашлянул и качнулся:

- А на каком основании? У нас что, жалоба на цыган есть, заявление? И мне не понятно, вот приедем мы к ним, как во двор зайдем? А если не пустят? Да и пустят, как там делать обыск без санкции прокурора? Сами знаете, это незаконно. Они еще на нас нажалуются потом, и мы же виноватыми останемся.

Виктор Викторович завелся с пол-оборота:

- О какой это ты санкции говоришь? А они у нас на продажу наркоты нашим детям санкцию спрашивают?

- Ну-ка, я тоже что-то не понял, - Атаман подался вперед, - объясни мне поподробней - ты, значит, в нашем рейде принимать участие отказываешься?

- Да ничего я не отказываюсь, - пошел на попятную Журавлев, - просто, что сразу обыск, можно же просто для начала поговорить с людьми, предупредить. А так без заявления, незаконно...

- Незаконно, говоришь, - Митрич приподнялся и, показалось, в кабинете стало тесно, - а девчонку, помнишь, в прошлом году какие-то нарики изнасиловали и в речке утопили, это законно? А то, что ее мать работать больше не смогла. «Крыша» от горя поехала, может, это законно?

- Да при чем здесь это, есть же закон...

Виктор Викторович от возмущения зарумянился:

- Ты, вообще, на чьей стороне? Может, бабки с них сшибаешь, потому сейчас и о законе заговорил? А? Так что ли, угадал?

- Да какие бабки? - он растерянно оглянулся на казаков. Те с интересом поглядывали на участкового. Журавлев вскочил, тоже покраснев. - Да вы что? У меня, может быть, от этих бабок миллионы на кармане, коттедж себе, может, отгрохал? Или на «Мерседесе» езжу? Я на стороне закона, а его нарушать...

Атаман остановил участкового жестом.

- Дом у тебя скромный, это правда, и машины дорогой нет - тоже знаем. Но в данном случае, как говорил уважаемый вождь товарищ Сталин, у тебя два пути: или с нами, или против нас. Так что выбирай.

За столом затихли. Жалобно скрипнул стул - на него опус-

тился Митрич. Сидящие к Журавлеву спиной Роденков и Основов развернулись, чтобы его видеть.

Из участкового как будто воздух выпустили. Он сел и махнул рукой.

- Да что тут выбирать. Я что, не в станице живу? Тоже не слепой и не враг я своим. Но если меня из органов попрут, то только из-за вас.

- Не попрут, - лицо Виктора Викторовича постепенно восстанавливало естественный цвет, - а и выгонят, не велика потеря. Пристроим куда-нибудь, да, Егорыч?

Атаман откинулся на спинку стула:

- С голоду помереть не дадим. Не переживай.

Участковый поправил форменный галстук и улыбнулся.

- Ну, тогда другое дело. Но все равно надо сделать заявление на цыган. Чтобы мне задницу прикрыть. И, вообще, Никита Егорович, принимай и меня в казаки, что ли. Раз пошла такая пьянка...

Начальник автоколонны хмыкнул и пальцем размял косточки кулака:

- Примем. Попозже.

Казаки за столом зашумели.

Атаман постучал ладонью по столу:

- Тихо, казаки, тихо!

- Да сделаем мы ему заявление, - подал голос с места Василий Смагин, - и не одно. Я сейчас пойду к ребятам, которым эти уроды наркотики предлагали, они с удовольствием на цыган любые заявления напишут.

Атаман жестом остановил снова зашумевших казаков.

- Ну, вот и порешили. А для начала, и правда, можно предупредить, конечно... если ничего не найдем, - он усмехнулся и поднял сжатый кулак, - по-нашему, по-казачьему, а там можно и наркоконтроль из города подключить. Там сейчас новый руководитель - толковый мужик, говорят. Устроит тебя такой вариант? - Атаман снова повернулся к участковому.

Журавлев пожал плечами. Он успокоился и сидел расслабленно:

- Устроит.

- Вот и отлично. Первый вопрос, считай, закрыли. Что у нас следующим номером? - он наклонился ко второму механику и

одновременно главному хозяйственнику автоколонны Василию Ивановичу, который перебирал бумаги с последними записями решений круга.

- Давай, Чапай, огласи повестку дня, - Виктор Викторович снова не промолчал.

За столом слегка улыбнулись.

Василий Иванович, собираясь с мыслями, постучал пальцами по столу:

- Я думал вчера об этом. Правильно тут говорили, Егорыч, надо работать по всем направлениям, - он сделал паузу, перебирая бумаги.

Атаман внимательно слушал, откинувшись в кресле. Митрич поглаживал бороду, ожидая, что он скажет дальше. Смагин, наклонив голову на длинной шее, посматривал в сторону Чапая.

Василий Иванович обвел взглядом поверх очков с интересом слушавших его казаков:

- Каждый займется своим делом. Вот я, например, всегда историей интересовался. У меня, сами знаете, дома казацкого добра на небольшой музей хватит. Если по станице пошукать, то и на нормальный музей боевой славы казаков хватит. Должны же молодые знать, чем их деды занимались и как жили.

- Мы на себя работу с молодежью возьмем, - бывший военрук Трофим Линейный толкнул молчащего учителя физкультуры Роденкова. Тот поднял голову и подтвердил:

- Да мы уже взяли, я кружок по казачьему уставу начал в третьей школе организовывать. Там и джигитовка, и история местная, тут Виктор Иванович обещал помочь. Рукопашный бой Самогон будет вести, он бывший десантник. Отбоя от желающих нет. В колхозе пару коней - последние остались - обещали для тренировок выделить.

- Ну, и еще пара задумок есть, - тренер Смагин наклонился, чтобы видеть лицо Атамана. - Теперь займемся вплотную.

- Музей в последнюю очередь надо делать, - встрял механик, - наркопритоны надо первым делом уничтожить, а то их вон сколько развелось. Не только цыгане этим занимаются, наши тоже есть выродки - торгуют травкой.

Митрич снова кивнул, а мужики заерзали на сиденьях.

- У меня на улице местный недомерок - с матерью живет -

недавно дом купил, а сейчас порошком приторговывает, - подал голос молчавший до этого начальник котельной - молодой, только после техникума Алеша Иванов, по семейной традиции прозванный «Кузня». В семье Ивановых и его отец, и дед до сих пор могли подковать редких в последнее время лошадей. Знал кузнечное дело и Алексей.

- Все правильно, - взял слово Атаман, - и музей нужен, и с детьми работать, и патрули, и с наркопритонами бороться. - Он помолчал, глядя в окно, и решительно обернулся, - с этого и начнем. Ты, Василий Иванович, готовь музей, бери в помощь нашего начальника штаба (будущие музейные работники одновременно кивнули головами и переглянулись), помещение мы тебе где-нибудь найдем, в сельсовете или в клубе - глава администрации Парамонов обещал любую помощь, вот пусть и старается. А с выродками-наркоторговцами, я думаю, поступим так, - он выпрямился и нахмурился. - На приступ их домов нам никто не даст пойти, - он осуждающе взглянул на Журавлева. Тот смолчал. - Поэтому будем действовать, как говорится, по диспозиции. Для начала проедем по всем их домам, что они в станице поскупили, по чердакам, подвалам посмотрим. Если что найдем - сразу участкового и понятых вызываем. Ты, Петр Сергеевич, как? Не возражаешь?

Участковый вскинул голову, уверенно глядя в лицо Атаману:

- Не возражаю.

Никита Егорович принял его слова к сведению и продолжил:

- Отправим их в район, в милицию - пусть разбираются. А дальше будет видно. Если начнем такие рейды регулярно проводить, а мы будем их проводить, у торговцев бизнес накроется. Что нам и надо. Все согласны? - он сделал паузу.

Казаки дружно качнули головами.

- Тогда так. Виктор Викторович, и ты, Чапай, готовьте машины и экипажи на вечер. Пять-семь бригад соберем, в каждой чтобы две машины, минимум. Для начала хватит. График дежурств довести до сведения патрулей, - он опустил ладони на стол. - Все, казаки, на том и порешим. Митрич, распределяй по объектам.

Митрич

Огромный трал с тяжелым бульдозером на борту, скрипя мно-

гочисленными колесами, медленно въезжал во двор автоколонны. Никита Егорович встречал его перед шлагбаумом. Ему еще утром позвонили с буровой и сообщили, что трал минут пять назад вышел с Куцевки, а это почти 300 километров. Прикинув примерное время прибытия, Атаман последние полчаса с нетерпением выглядывал в окно. На этом бульдозере работал Иван - старший сын. И работал очень неплохо. Буровики его хвалили. Никита Егорович не видел его уже около месяца и порядком соскучился. Да и серьезный разговор назревал. Пора было уже расставлять точки над «і». Иван, как связался с женщиной с ребенком, дома показываться перестал. И мать волнуется, и сам тоже. «Околдовала она его что ли? Нормальный молодой парень, с хорошими задатками, а институт, где учился заочно, бросил. Точно, она на него влияет. Не раз пытались с женой поговорить с ним, но он все время ускользал от откровенных вопросов. Может, поэтому и домой заглядывать перестал - не нравятся ему прямые разговоры».

Трал миновал проходную и остановился у стоянки тракторов. Из кабины выскочили Иван и водитель трала Митяй Молчун. Вместе скинули направляющие, и Иван легко заскочил в кабину бульдозера. Взревел мотор, трактор дернулся, «поймал» гусанками «колею» и двинулся вниз. Атаман, уперев руки в бока, с тайной гордостью за сына наблюдал, как он ловко управляет с тяжелой машиной. Наконец трактор занял свое место. Молчун погнал трал в другой конец базы. Иван заглушил мотор и выпрыгнул из кабины. Заметив наблюдающего за ним отца, с улыбкой направился к нему.

- Здорово, батя. - Иван чуть выше отца, такой же широкоплечий и уверенный в себе, солидно пожал ему руку.

- Привет труженикам, - Никита Егорович не смог скрыть смущенную улыбку. Но тут же одернул себя. - Какие планы?

- Да никаких. Помоюсь, да домой.

- Домой к нам или туда? - Атаман головой указал направление.

Иван согнал улыбку:

- Туда.

- А что домой не зайдешь? Мать же волнуется.

- Зайду как-нибудь, - он отвел взгляд.

- Ты давай не как-нибудь, а сегодня же и зайди. Что тебе,

трудно что ли?

- Да не трудно, - он поднял голову, - но вы же опять начнете морали читать.

- А чтобы и не почитать. Мы же еще надеемся, что возьмешься за ум. В институте когда думаешь восстанавливаться?

- Пап, давай не будем.

- Что ты от разговора уходишь? Боишься поговорить откровенно?

- Ничего я не боюсь.

Атаман кивнул в сторону улицы.

- Пойдем в сторонку отойдем.

Иван молча последовал за ним. Остановились у поваленного забора конюшни напротив колонны. Атаман оглянулся:

- Слушай, Ваня. Ты что в этой женщине нашел? Зачем тебе это? Что, молодых свободных девчонок в станице нет? А?

Иван поморщился:

- Так и знал, что об этом будешь... Пап, на эту тему я говорить не хочу. О чем другом - пожалуйста. А в институте попробую на следующий год восстановиться.

Атаман крикнул:

- Ну, вот как с тобой разговаривать? Ты хоть понимаешь, что у этой женщины до тебя целая жизнь была. А ребенок? Ты что, его любить будешь, как своего? Уверяю тебя, что это не так просто, как ты думаешь.

- Все, пап. Хватит об этом. Извини, мне некогда, - Иван повернулся и пошел к шлагбауму.

Атаман проводил родную спину взглядом. Когда сын скрылся за проходной, он вздохнул и медленно направился туда же. Надо было как-то доработать оставшиеся часы.

* * *

Прежде чем отправиться в цыганский рейд, Митрич дошел до дома своего двоюродного деда Ивана, сухого, вытянутого, как почти все Митричи, девяностопятилетнего казака. Последние лет пятнадцать после смерти жены он жил один. Из пяти доживших до старости детей, а всего было девять, в станице не осталось никого. Почти все в голодные послевоенные годы разъехались по самым дальним уголкам страны, поднимали разрушенное войной хозяйство, заводили семьи, рожали детей. Изредка кто-то из внуков и даже правнуков приезжал навестить

дедушку. Погостив несколько дней и нагрузившись кубанскими гостинцами, они снова надолго пропадали. Каждый раз, обнимая при прощании близких людей, он пускал слезу, будучи уверен, что видит родных в последний раз. Но проходили годы и, заехав в очередной раз проведать старика, тот же сын, внук или правнук находили его бодрым, не по годам шустрым, привычно подшучивающим над собственными болячками. Казалось, время забыло про деда Ивана, а он не спешил напоминать ему о себе.

Дед в разветвленном казачьем роду Митричей была известен тем, что даже в самые страшные для казаков тридцатые годы двадцатого века умудрился сохранить не только упряжь, оставшуюся от двух коней и кобылы, реквизированных еще во время борьбы новой власти с казачьими повстанцами, причем, оставалось тайной - кто же из представителей двух противоборствующих сторон отобрал живность, но даже кое-какое оружие и все старые фотографии Митричей, где они позировали в бурках с саблями наголо.

Дед Иван вообще ничего не выбрасывал из старого казачьего быта и о том, что родился казаком, не забывал ни тогда, в годы поголовного уничтожения кубанцев, ни позже, в безбожные времена, когда само слово «казак» считалось ругательным, как, к примеру, «буржуй». Эту крепкую родовую память не смогли ему отбить даже восемь лет северных лагерей, которые он немного не досидел, добровольно записавшись в 42-м в штрафной батальон и сумев выжить. После войны фронтовика, гордо позвякивавшего кругляшками трех орденов Славы, единственно в станице не скрывавшего своего казачьего происхождения и частенько ходившего по улицам с нагайкой, а по праздникам цеплявшего на ремень даже дедовскую саблю, почему-то уже не трогали. Наверное, считали это чудачеством, последствием тяжелой контузии, а, может, так оно на самом деле и было. Впрочем, во всем остальном никаких отклонений за ним не наблюдалось.

С месяц назад он подозвал проходившего по улице двоюродного внука и, хитро прищуриваясь, извлек из-под бурки кипу покореженных временем и пожелтевших фотографий.

Алексей поначалу невольно поморщился и выразительно взглянул на часы. Как всегда, в тот момент он куда-то торопился и

задерживаться около деда не входило в его планы. Но дед сделал вид, что не понимает намеков внука, и еще раз настойчиво поманил того кривым пальцем. Митрич вздохнул и, сообразив, что от приглашения не отвертеться, присел рядом.

- На, - только и сказал дед, - смотри. Предки твои.

Митрич с легким интересом принял стопку фотографий. Внимательно разглядев первые почти столетней давности фотографии, вдруг неожиданно для себя с головой ушел в историю Митричей и уже не смог оторваться, пока не просмотрел все. Он в очередной раз удивился крепкой, совсем не стариковской памяти деда Ивана. Тот помнил все имена, звания, кто кем кому приходился, и почти к каждой фотокарточке у него была припасена история из жизни ее героя, байка или воспоминание о его последних днях.

- Вот, смотри, - говорил он, тыкая темным, словно засушенным пальцем в выцветшее изображение высокого пожилого казака в разлетевшейся бурке, - это мой дед Африкан. Твой, значит, пра-

прадед. Это до революции и до войны, первой с фрицами. Я тогда еще без штанов бегал. Тут вот на обороте раньше было написано: то ли 12-й, то ли 13-й год, сейчас стерлось почти, не разберешь. Мне батя рассказывал, что тогда в станицу приезжали из Екатеринодара, из газеты кого-то снимать. Будто наш один казак, совсем старик, перестрелял шестерых адыгов, что его грабить приходили, и из газеты его запечатлеть приезжали, и вроде потом статья была даже про него. И тогда заодно поснимали и других наших геройских казаков. Так мой дед, твой прапрадед и попал в кадр. А это, смотри, я, во какой - боевой, с папкой и мамкой и братья все. Вот этот, с краю, кудрявый, Афанасий - твой дед, он младше меня года на три. Это уже после революции, я уже парнем был. Голод на следующий год начался, почти все померли, трое нас из двенадцати осталось, и мамка выжила..., а отец ушел с партизанами тогдашними и пропал. Хотя, какие они партизаны-то были? Кнутами воевали. Налетят, помахают нагайками, свяжут красноармейцев, какие не убегли. Тем, которые бегут, тем только вслед поулюлюкают. А те - какие вояки? Те же парни из наших станиц, хотя и из других. С Дона, пришлые были, но тоже молодые. Разве сорокалетние матерые казаки будут с мальчишками воевать? Отхле-

стают нагайками да отпустят, такая война, значит... А те их, когда ловили, не жалели...

Вот когда перед Алексеем открылся огромный, богатый на краски и характеры мир, о существовании которого до этого он имел только смутные представления. Вместо обещанных пяти минут внук засел тогда на скамейке деда почти на два часа. Этот момент стал поворотным в его восприятии себя и окружающего мира. Он узнал, что его родственники живут сейчас в Англии, в Австралии и даже в Боливии. Тут дед Иван удивил Алексея еще раз. Оказывается, с некоторыми из них он уже несколько лет переписывается. Что-то в этот момент перевернулось в голове Алексея, и когда несколько недель спустя Никита Егорович Жук предложил ему должность заместителя Атамана, он ни секунды не колебался.

Перед цыганским рейдом Алексей решил попросить у деда нагайку. Он был уверен, что в запасниках у него (кстати, надо подсказать Чапаю: наверняка у деда для музея много чего найдется) такая есть, и, может, даже не одна. Дед встретил внука радушно и, узнав, для каких целей тот просит нагайку, сразу посерьезнел и попросил подождать. Он быстро скрылся в соседней комнате, не забыв плотно прикрыть за собой дверь. Комната была проходная, так что Алексей, даже если бы сильно захотел, не смог бы вычислить, куда родственник зашел потом. Минут через пять дед вышел, с заметным волнением сжимая в ладонях витую нагайку и посеревшие от времени кожаные ножны старинного кинжала. Передавая это богатство внуку, старик прослезился.

- Дождался, слава Богу! - он торжественно перекрестил Алексея и, не удержавшись, крепко обнял его. - Наш казачий род древний. Знаю, что предок наш у турок крепость Азов отбивал после Смутного времени, жаль только, не удалось удержать ее. Но да ладно, это дела давние. Нагайка моя, а кинжал - деда моего, твоего прямого предка, так что береги. Мои дети знать ничего про казаков не хотят, да и какие они казаки?! - Он в сердцах махнул рукой и выпрямился. - Береги наследство и смотри: для защиты казачьего рода используй, а для другого - ни-ни.

Алексей сам не сразу понял, что тоже расчувствовался. Только стерев ладошкой слезу на щеке, он сообразил, что плачет.

- Спасибо, деда. Не сомневайся, для доброго дела беру.
- Я и не сомневаюсь, - дед легонько толкнул внука в грудь, - ну, иди, поди, дела ждут.

Митрич благодарно склонил голову и, попятившись, толкнул спиной дверь. Очутившись на улице, он сразу направился в автоколонну, где в это время уже собирался остальной народ для казачьего рейда. По дороге он еще долго вспоминал дедово напутствие. А слова: «Дождался, слава Богу», - не выходили у него из головы потом еще несколько недель.

В группу, помимо самого Митрича, вошли тренер Василий Смагин, начальник штаба Виктор Иванович Осанов и еще несколько водителей из автоколонны. Адрес им сообщили заранее, и водитель легко отыскал нужный дом. Дождавшись, когда все выберутся из машин, Митрич, не стучась, толкнул ладонью хлипкую калитку и решительно вошел во двор. Следом последовали товарищи. Во дворе низкого цыганского домика - пять на пять, со старым потрескавшимся шифером на четырехскатной крыше - было многолюдно. В углу на сбитом из досок столике несколько мужиков азартно играли в карты. Митрич быстро огляделся. Поросший мелкой травой небольшой замусоренный двор, огороженный дырявым штакетником, осыпавшаяся штукатурка с кривой стены, похоже, шлакового домика, эмалированное ведро с дыркой на боку, зачем-то перевернутое на заборе - все выглядело неряшливо и бесхозяйственно. Первыми казаков заметили и удивленно, хотя и молча, уставились на них перепачканные смуглые мальчишки и девчонки, те, которые помладше. Они возились в песочной куче у забора. Другие, постарше, окружили игравших мужиков, с интересом заглядывали им в карты и потому не сразу поняли, что во двор вошли посторонние. Две девочки лет по 12 - 13 таскали на руках самых маленьких цыганят, таких же грязных, в заляпанных майках и без штанов. Казаки решительно проследовали к столу игроков. Они находились от них уже в двух-трех шагах, когда один из цыган наконец тоже увидел казаков. Он что-то моментально сообразил, вытянул шею в сторону огорода и звонко крикнул пару фраз. Через несколько секунд слегка опешивших казаков окружила горланящая толпа непонятно откуда появившихся растрепанных женщин в платках и без. Между ними шныряли грязные цыганята. Казаки автоматически по-

крепче прижали к бокам барсетки и сунули руки в карманы. Митрич резко обернулся к тренеру:

- Бери двоих и в огород, быстро.

Василий среагировал моментально. Еще Митрич не закончил говорить, а он, дернув за руки ближайших казаков, уже пробирался сквозь толпу тут же усиливших шум женщин. Некоторые особенно нахальные пытались ухватить их за рубашки, но мужики так напористо рванули сквозь толпу, что удержать их не смогли бы, наверное, и все обитатели этого двора вместе взятые. Василий первый перешагнул длинными ногами низенькую калитку в огород, за ним прыгнули остальные. Первые пять или шесть метров тропинки они преодолели в два шага.

Огород представлял собой яркое свидетельство заброшенности и цыганской бесхозяйственности: заросли двухметровой крапивы чередовались с огромными лопухами и еще чем-то очень знакомым. Василий в первый момент не понял, что это, а потом его внимание отвлекли две цыганки в глубине огорода. Воровато оглядываясь, они что-то споро заворачивали в разноцветные покрывала.

- А ну, гражданочки, стой на месте!

Приказ Смагина, словно нагайкой, хлестнул женщин. Они вздрогнули и испуганно замерли. Казаки тут же окружили цыганок.

- И чо мы тут прячем?

Один из казаков, это оказался Самогон, пнул свернутое трубкой одеяло. По развернувшейся ткани посыпались пахучие головки подсохшей конопли. Низенький, но крепкий Антон Привольнов - еще один напарник Смагина - присвистнул и потянулся ладонью к затылку. Василий поднял твердый взгляд на цыганок. Те медленно выпрямлялись, стараясь не смотреть на мужиков.

- Значит, анашой занимаемся, - не то спросил, не то констатировал тренер, - Антон, давай за Митричем. Будем протокол оформлять и делать «волчьи» записи в их трудовых книжках.

Всех цыган, кроме хозяина, облокотившегося на стол с разбросанными картами и зло поглядывавшего на казаков, согнали в дом и накинули на петли замок. Выставив у задней стены, куда выходили два окна, сторожа, Митрич подошел к начальнику штаба Виктору Ивановичу. Тот вопросительно поднял глаза.

обстановка, гляну.

- Я тоже решил заглянуть...
- Самое злачное место в станице.
- После магазина.
- Может, и так. Они друг друга стоят.

Миновали последний поворот, вышли на площадь, где стоял Дом культуры. Фонари опять не горели. Казаки зашагали медленней, внимательно всматриваясь под ноги.

- Слышь, Егорыч, - оборвал молчание Василий Иванович, - все хотел тебе сказать, да, как-то не получалось...

- Что такое? - встревожился Атаман.

- Племяш твой опять полдня на работе не был, а потом пришел с таким ароматом, что хоть нос затыкай.

Атаман нахмурился.

- Вот же сволочь, а... Ну все, больше ему это с рук не сойдет. Был бы еще не родственник, можно было еще что-нибудь подумать. А так - перед людьми неудобно. Скажут: покрываешь племянничка, а других за то же самое уже давно бы выгнал. И правы будут. - Он решительно повернулся к Чапаю. - Завтра же пришли мне его - будет писать заявление по собственному желанию.

- А ты, это, не круто ли? Может, так обойдемся? Поговоришь еще, постращаешь? Валерка - парень-то неплохой, работающий.

- Работающий, не спорю, но только когда трезвый. Нет, все, решено.

Василий Иванович нахмурился в темноте.

- А давай его на пруды охранником отправим, - Василий Иванович оживился, - я тебе еще не говорил, нам председатель предложил пруды взять в собственность - у него они уже совсем до ручки дошли, рыба почти вся повывелась. А ведь какая рыбалка была! Вот такие, - он отмерил на руке почти до плеча, - амуры ловились и толстолобик. Помнишь, пацанами с удочками бегали? И не гоняли особенно, если не нагнали. Что для них пару карпов, если в магазин десятками тонн каждый год сдавали.

- Когда он предложил? - оборвал лирическое отступление Атаман.

- Да сегодня после обеда позвонил, тебя не было. Я думал завтра тебе рассказать.

- Пойдет. Нам лишь бы захлебнулся, а там отпустим - пусть плывет по течению.

- Может, надо было раздеть его?

- Потом разденем, когда веревки развязывать будем.

- А... я и забыл, - усмехнулся Самогон, - надо же, чтобы он натурально утоп. Типа покупаться вечером залез. Ну что, на счет «три»?

Цыган, переводивший с каждым словом все более дуреющий от ужаса взгляд с одного лица на другое, в этот момент нечленораздельно заверещал.

- Купай его, - скомандовал Колька и с силой надавил на плечо мужика.

Гойда придавил с другой стороны. Цыган легко ушел под воду, в последний момент он успел закрыть рот и тонул без пузырей. С трудом сдерживая бешено дергавшееся под руками тело, Гойда проговорил:

- На первый раз минуты хватит, а то, и правда, утонет.

Самогон сосредоточенно кивнул. Дождавшись первых пузырей, казаки выдернули задохнувшегося, раскрывающего, как вытасненный на берег сазан, беззвучный рот цыгана. Он продохнул и выплюнул воду.

- Будешь говорить? - Самогон вплотную приблизил голову к его бледному лицу.

- Да, - хрипло выдавил тот и мелко-мелко закивал головой.

***

Утро начиналось с интересных вестей. В контору перед планеркой заскочил Колька Самогон.

- Егорыч, блин, надо брать их, срочно! - Колька подскочил к столу и с разгону упер руки в столешницу. Столешница сипло скрипнула.

Атаман поморщился и отложил трубку телефона, так и не набрав номера конторы в городе.

- Николай, ты мне тут всю мебель переломашь. Говори толком.

Самогон смущенно убрал руки со стола и выпрямился.

- К нему ночью подозрительный тип приехал. Цыган. Машины - пикапчик иностранный, во двор загнал. Машина до сих пор там.

- Ну. И почему их надо брать, еще и срочно?

- А, так ты же самого главного не знаешь, - он многозначительно заулыбался, - мы же вчера цыганенка прижали, он нам и выдал все цыганские тайны.

- Подожди, подожди, - перебил его Атаман, - как это прижали?

- Ну, как, - он пожал плечом, - обыкновенно. Связали, да в речку сунули.

Атаман хмыкнул:

- Ну, он хоть живой?

- Да живой, что ему делается.

- А без этого нельзя было обойтись?

- Егорыч, ну ты же сам говорил, что можно без цацканья.

- Ну ладно, ладно, все правильно. Сведения-то хоть стоили того?

Николай немилосердно бухнулся на подвернувшийся стул. Тот жалобно пискнул.

- Стоили. Короче, так. Этот цыган - курьер. Примерно раз в неделю или в две он пригоняет на двор Гуталиева пикап. В нем есть тайник с наркотиками. Причем, где этот тайник и что в нем - курьера не посвящали - это он сам в порядке, так сказать, облегчения участи поведал. Кстати, теперь он наш вечный агент. Завербовали цуцика, - он щедро улыбнулся. - Под конец тараторил, как по писаному. Мол, не дурак, догадался, для чего машину Гуталиеву оставляет. Но где в машине тайник - не знает и не искал, хотя мысль такая была, однако побоялся. Кто он для них - так, расходный материал, заподозрят что - кокнут, спрячут в Черном лесу, никто не найдет.

- А насчет тайника это точно? - перебил Никита Егорович.

Самогон решительно кивнул:

- Точнее не бывает. Но только я так думаю, тайник уже пуст - наверняка ночью выпотрошили.

Атаман задумчиво посмотрел в окно.

- Пожалуй, ты прав. Наверняка в машине уже ничего нет. И где теперь эти наркотики - один цыганский бог знает. И нам не скажет. Где мы их искать будем? А если ничего не найдем? А, скорей всего, не найдем.

- Как не найдем? - возмутился Самогон, - все перероем - найдем. Дом простучим, огород перекопаем.

- Кто нам позволит дом простучать. Обыск только с санкции

прокурора вообще-то можно делать. А он нам ее, думаешь, даст? Да он скорей Гуталиеву лицензию на наш отстрел выдаст. Мы же, в отличие от цыган, не платежеспособные. Да мы и не будем всякой швали башлять, не дождутся. Иначе не казаки будем, а... - он проглотил слово.

Самогон опять дернулся - хотел что-то сказать, но Атаман жестом остановил его:

- Не пори горячку. Спешить не будем, надо все обдумать. Сейчас подожди в прихожке - у меня селектор. Зайди к девчатам - они чайком напоят.

Колька, официально находящийся в этот день в отгуле, просидел в диспетчерской почти полтора часа. «Девчонки» - две женщины лет по пятьдесят с лишком, охотно налили ему горячего чая, поставили вазочку с печеньем и конфетами и углубились в производственные дела. Первый час рабочего времени к ним в кабинет чуть ли не очередь стояла. Водители выписывали путевки, отмечали расход горючего, кто-то выяснял, почему так мало выписывают бензина на водовозку, а заказов-то по всему краю. Заскочил Гаркуша и долго разбирался, нависая над столом, куда делись лишние десять часов, переработанные им на прошлой неделе. Пришлось диспетчеру поднимать все путевки и досконально, выписывая все данные, выяснять. Пока не нашлась ошибка, Гаркуша так и стоял рядом, не торопясь переговариваясь то с диспетчером, то с Колькой. Наконец удовлетворенный Михаил удалился. Изредка Колька поднимался и выглядывал в коридор - перед кабинетом начальника по-прежнему былолюдно. Наконец, Колька уже устал ждать, да и спать хотелось - ночь-то выдалась напряженной, в кабинет заглянул Никита Егорович и кивком головы позвал Самогона за собой. Но повел не в кабинет, а на улицу.

Перед конторой уже стояла его служебная «Волга», в салоне которой сидели оба механика колонны: Виктор Викторович Калашников и Василий Иванович Куров. Атаман махнул головой на заднее сиденье.

- Садись к мужикам, вы худые - поместитесь, - он улыбнулся, открывая переднюю дверцу, - а я все ж-таки начальник.

- Куда поедем? - деловито поинтересовался Колька, втискиваясь третьим на заднее сиденье.

- В район. Пора одну нужную службу навестить.

- Ментов, что ли?

- Не ментов, но тоже ихняя контора. Наркоконтроль, слышал? У них там новый начальник Станислав Юрьевич Камарин, не местный, из Средней Азии откуда-то. Говорят, толковый.

- Не слышал, - погрустнел Колька, в этот момент окончательно расставшийся с мечтами выпасться сегодня. Но Колька не был бы Колькой, если бы сдался без боя.

- А я зачем, без меня что, не справитесь?

В этот момент Гаркуша вдавил педаль газа, резко вывел машину на поворот и двое пассажиров прижали охнувшего третьего - им оказался Виктор Викторович - к ручке двери. Пока выясняли отношения с нахально отбrehивающимся Гаркушей, про вопрос Самогона как-то забыли, а напоминать он уже не стал, считая его риторическим.

Чуть отъехали, Атаман что-то вспомнил и развернулся всем телом:

- Иванова через недельку обещают выписать. С головой все нормально, мозг не задет. А вот с рукой похуже - еще придется в гипсе походить.

- Ну, ничего, главное с головой в порядке, а в остальном - парень крепкий, выдержит, - отозвался Василий Иванович.

Виктор Викторович тронул Атамана за плечо.

- А что с теми козлами?

- С теми козлами? - голос Атамана стал жестче. - В краевой тюрьме, в КПЗ сидят. Суда ждут. Кстати, недавно мне звонил начальник районного УВД, ни за что не догадаетесь по какому вопросу.

Казачи заинтересовались, подались вперед.

- Родители этих козликов пожаловались? - попробовал угадать Самогон.

- Да нет. Говорю же, не угадаете. Грамоту нам завтра приедут вручать. За отличную помощь органам внутренних дел и большой вклад в дело наведения порядка в станице.

Виктор Викторович присвистнул:

- Вот уж никогда не мечтал стать отличником-дружинником.

Василий Иванович с ним не согласился:

- А что такого? Когда по станице дружинники ходили, такого бардака не было. Хотя и заставляли почти насильно повязки

цеплять, но раз уж надевали, то смотрели. Разве такие драки, как сейчас, в станице были? А наркотики? - Чапай огорченно махнул рукой и замолчал.

- Тогда по всей стране такого бардака не было, - Виктор Викторович откинулся на спинку и тоже затих.

- Это точно, - поддакнул Самогон.

До старинной двухэтажки, где и размещалась служба наркоконтроля, еще недавно называвшаяся налоговой полицией, добрались за час с небольшим.

Их ждали. На проходной Никита Егорович назвал свою фамилию худому высокому охраннику в черной форме. Тот не стал копаться в записях журнала и живо разблокировал турникет, поинтересовавшись:

- Идти знаете куда?

- Нет, - казаки остановились.

- По лестнице на второй этаж. Там «Приемная».

Атаман кивнул, и процессия зашагала по коридору.

Миловидная секретарша, показалось, с трудом оторвалась от документа, который тщательно изучала.

- Вы к кому?

- Мы из Курской, Станислав Юрьевич нас ждет.

Секретарша показала подбородком с ямочкой на оббитую дорогой кожей дверь кабинета и снова склонилась над бумагами.

- Ничего себе, дверка! - не смолчал Калашников.

Атаман шагнул первым, за ним по очереди вошли казаки. За шикарной дверью казаки увидели неожиданно скромную комнату. Из мебели в ней присутствовали только пара простеньких столов, такие обычно живут в учительских, и около десятка недорогих офисных стульев. У стены возвышался двусторчатый старенький шкаф, заваленный бумагами. В углу стоял тяжеловесный, украшенный изразцами сейф - единственная дорогая вещь в кабинете.

Навстречу казакам поднялся начальник - высокий, подвижный, с густой седой шевелюрой и усами. По выправке, которую организм запоминает на уровне костного мозга, Атаман сразу определил, что перед ними бывший офицер. Он легко выскочил из-за стола и сразу протянул руку.

- Добрый день. Станислав Юрьевич, - представился он.

Казаки по очереди стиснули крепкую ладонь начальника. Назвались.

Он показал на стулья, а сам отправился на свое место.

- Слушаю вас внимательно.

Атаман оглянулся на серьезного Самогона и сложил кулаки на столе.

- Я Атаман казачьего войска станицы Курской. Две недели как избрали. Это наши бойцы. С тех пор как, - он помолчал, выбирая слова, - мне выпала честь стать Атаманом, мы решили навести порядок в станице, ну и первым делом объявили войну местным наркоторговцам. А то ведь до чего дошло – уже на школьных переменах почти в открытую траву продавали, – он прокашлялся, - и вот в результате нашей оперативной разработки мы кое-что узнали о канале, по которому в станицу приходят наркотики.

- Цыгане?! - не то спросил, не то уже знал Камарин.

Атаман кивнул:

- Цыгане. А точнее, их главный, что-то вроде барона - Гуталиев. Вот наш... оперативник сейчас вам расскажет, что ему удалось узнать.

Все дружно посмотрели на Самогона. Он не ступевался. Только уселся поудобнее и коротко повторил все то, что утром уже докладывал Атаману.

По мере того, как Николай выкладывал факты, Stanisлав Юрьевич веселел лицом, щеки его покрывались легким румянцем, глаза зажили: то вскидывались вверх, то прицеливались в Самогона, словно в мишень. Он уже определенно что-то обдумывал. Атаману приходилось встречать азартных игроков во время забегов на ипподроме, который еще несколько лет назад действовал в Курской, и теперь он не сомневался, что и Камарин принадлежал к их числу.

Когда Самогон закончил, Stanisлав Юрьевич подскочил и не в силах усидеть на месте, короткими шагами, словно на плацу (в этот момент Атаман еще раз удостоверился в его офицерском прошлом), начал мерить кабинет шагами от стены до окна.

- Ну, вы, казаки, даете. Две недели не прошло, а вы уже на канал вышли, о котором оперативники в крае только слышали. Ну, конечно, если бы они сильно хотели, то наверняка вычислили бы его давно, но это уже другая история. И курьера завербовали! Тут, правда, еще бабушка надвое сказала - кому он правду будет говорить, а кому лапшу вешать, но в этом деле определен-

ный риск всегда присутствует. Человеку в душу не залезешь, — он остановился спиной к окну и уперся руками в подоконник. - А могу я спросить, господа казаки, каким способом вы эти сведения получили? - он невинно моргнул и склонил голову набок, - ну, не поверю, что курьер сам к вам пришел и все вот так вот добровольно выложил. А?

Казаки переглянулись и свели взгляды на Атамане. Самогон слегка покраснел. Никита Егорович пожевал губами, опустил глаза и постучал пальцами по столу:

- Ну, как Вам сказать...

Камарин терпеливо ждал, не меняя выражения лица. Атаман решил:

- Конечно, не пришел. Такие сами не приходят, а если и приходят, то не к нам, казакам. Знают - у нас разговор короткий, не гуманный. Пару раз под воду курьера сунули, вот он и выложил все. А что, неправильно? - он поднял пристальный взгляд на начальника наркоконтроля.

Тот оттолкнулся от окна и медленно подошел к столу. Уселся на свое место и только тогда рубанул рукой:

- Правильно! До каких пор с этими скотами нянчиться. Это же не люди, правильнее будет - нелюди! Причем, оборзели до предела. Ничего и никого не боятся. Везде у них дорожки, ходы проложены, как у червяков. Я тут уже два месяца, такого не смотрелся, тошно жить становится. Сам себя не узнаю. Я же в прошлом боевой офицер, Афган прошел, в Чечне батальоном командовал. Там гады не приживались, про штабы я не говорю. А здесь, такое ощущение: они все такие, до одного, причем на всех этажах, и чем выше, тем хуже. Пытаешься что-то сделать, а поддержки никакой. По плечу хлопают, в глаза улыбаются, а как за дело что спросишь, у них сразу зевота начинается, не интересно им, видите ли, - Станислав Юрьевич сжал кулаки и пригнулся, словно для прыжка.

И в этот момент что-то произошло, казаки даже не сразу сообразили - что. Камарин будто маску сбросил, моментально превратившись в дикую рассерженную кошку - барса. Усы топорчатся, скулы ходуном ходят, зрачки расширены. Он тяжело придавил кулаками столешницу и поднялся.

- Так, казаки, - он обвел казаков сосредоточенным взглядом, в котором мерцали, скорей угадывались искры ненависти, где-

то глубоко-глубоко, за гранью радужной оболочки зрачка. Атаману пришла в голову мысль, что на этой необъявленной нарковойне у начальника, похоже, есть личные потери. - Дальше действуем только под моим контролем. Пока еще дров не наломали. Для вас я всегда на телефоне. Ваша задача - выяснить, когда к цыганам придет следующая партия наркоты. Эту мы уже упустили, ее теперь можно отловить только у распространителей. Братъ надо с поличным. Повторяю, только с поличным, на месте и во время продажи. Желательно снимать на камеру саму реализацию. Камеру найдете? - Атаман посмотрел на Василия Ивановича. Тот кивнул. - Хорошо. Изымать наркотики из кармана реализатора нужно только с понатыми. И сразу же сообщать мне. Стоп. Не так. Прежде чем брать, желательно сообщить мне, а я вышлю группу на задержание. Они все сделают правильно. Ребята опытные. Впрочем, я не настаиваю, тут уж как получится. Получится нас вызвать - хорошо, не получится, и ладно. Но, сами понимаете, для этих, - он брезгливо сморщился и махнул головой куда-то за стену кабинета, - проституткок главное не результат, а процедура, сам процесс получения обвиняемого или информации. Казаки, не в обиду вам будет сказано, но с точки зрения нашего, блин, государства и его юридических установок, все, что вы сейчас узнали, не представляет судебной ценности. Если его - Гуталиева этого - взять сейчас и даже, если повезет, найти у него наркотики, то завтра он все равно выйдет на свободу. Подтвердит ваш курьер на суде все, что сказал, так сказать, при личной беседе? - Казаки пожали плечами. - А я вам скажу - не подтвердит, а скорее сего, просто до суда не доживет. Да даже если и доживет, педики-адвокаты сразу ухватятся за то, как вы эти сведения получили, и вас же еще и обвинят, - он хмыкнул, - в нарушении прав человека. Тут же правые либерасты подхватят. Возмущенное начальство сверху прилетит, не ваше, так мое - обязательно. И закатают вас, господа, на вполне определенный срок. Это я вам без шуток говорю. Так что, казаки, - он выпрямился и покрутил шеей до хруста позвонков, - хочешь-не хочешь, а придется учитывать, что сейчас мы живем в несвободном и отчаянно несправедливом к коренной нации государстве, с правительством, основу которого составляют воры и агенты влияния некоторых всем известных спецслужб, что, собственно, одно и то же. И действовать

надо исходя из этого неприятного, но, к сожалению, объективного постулата. Фактически по-партизански, словно в тылу врага. Осторожненько-осторожненько, но при этом предельно жестко в той части, которую не обязательно доводить до суда. Иначе, что мы за хозяева земли русской? Прав я?

Атаман поднял глаза, за ним все взглянули на начальника наркоконтроля.

- Да, все правильно, - за всех ответил Атаман, - что ж мы, ничего не видим?

- В следующий раз я его - п...ра гнойного утоплю и все, и никакие адвокаты не узнают, - Колька сжал кулак и погрозил неизвестно кому в окне.

Виктор Викторович положил ему руку на плечо:

- Нет, Колечка, нельзя исполнителей топить, а то кто нам сведения о главных злодеях расскажет? То-то.

- Станислав Юрьевич, вопрос можно? - Атаман склонил голову на плечо.

- Отчего нельзя, - Камарин остановился напротив, по-военному бросив руки вдоль бедер, - спрашивайте все, что нужно.

- У вас с этими наркотиками личные счеты?

Начальник наркоконтроля ответил не сразу. Пожевал скулами, прошелся до окна, остановился там и, не оборачиваясь, выдал дрогнувшим голосом:

- Дочь.

Казаки опустили головы. Каждый представил себя на месте Камарина.

- Извини, Юрьевич, - неуверенно отозвался Атаман.

- Да нет, ничего. Все правильно. Вы почувствовали, что не только должностные обязанности мной руководят. Это моя беда. Не могу притворяться. Перед вами-то мне и не нужно этого делать, а вот в кабинетах у начальства приходится хамелеона включать. Да только плохо это у меня, похоже, получается. Что-то гады на меня подозрительно смотрят иногда. Не любят они меня. При случае сожрут и не подавятся. Так что, мужики, - он встряхнулся, - будем работать сообща. Можно сказать, мне повезло, что есть еще такие, как вы, нормальные. Думал - одному придется воевать, а оказалось - нет, есть еще в наших станицах... Ну да ладно, - Камарин вдруг одернул себя, - что-то прорвало меня. Надеюсь, все, что тут слышали - только между нами?

- Ну, ты, Юрьич, даешь, - Атаман даже руками развел от изумления. - Обидеть решил что ли напоследок?

- И как тебе такое в голову пришло вообще? - Виктор Викторович хмуро уперся взглядом в переносицу Камарина, - начал за здоровье, а кончил как...

Станислав Юрьевич примирительно вскинул руки:

- Все, все, мужики, беру свои слова обратно. Ну, и вы меня тоже поймите, война у меня личная, в первой атаке подвернуть ногу и до окопа не добежать ну никак мне нельзя.

- Да, ладно, - Виктор Викторович стукнул возвышающегося над ним на полголовы начальника наркоконтроля по плечу, - не ссы, как у нас говорят, прорвемся.

- Ну и замечательно. На том и договоримся, мужики. Как говорится, Бог не выдаст - свинья не съест, - он повернулся к Атаману, - Егорыч, в казаки примешь, если что?

- И без «если что» примем. Нам хорошие казаки нужны. В Христа веришь, крест носишь?

Камарин с улыбкой покачал головой:

- Признаться, с Богом у меня отношения не очень-то складываются. Как-то не хочется мне правую щеку подставлять, когда по левой бьют. Да и вообще, такое ощущение возникает из опыта всей моей жизни, что спят Боги или отлучились временно, лет этак на тысячу последнюю. А в их отсутствие люди сами себе предоставлены. Вот и боремся, как можем, с переменным успехом. То мы их, то они нас.

- Ладно, - Атаман поднялся, - спорить с тобой не будем, в теологические дискуссии вступать тоже нет желания. Во-первых, некогда - надо делом заниматься, а не спорить попусту. А, во-вторых, может, ты и прав. По мне, так нет большой разницы - верит человек в Христа или нет, лишь бы наше общее дело делал правильно. А крестики сейчас все нацепили: и верующие, и не верующие. Так что это не показатель. В общем, надумаешь, примем в казаки.

Следом за ним поднялись остальные. Камарин приблизился и тепло пожал каждому руку.

- Очень, - он выделил первое слово, - приятно было познакомиться. Так что дальше работаем вместе. Мы этим наркошам хвост-то прижмем обязательно.

На прощание Станислав Юрьевич продиктовал доставшему

блокнот Василию Ивановичу номер телефона и вышел проводить в приемную. Там уже собрался народ. Миловидная секретарша упоенно писала кому-то письмо по электронной почте. Увидев шефа, она быстро прихлопнула открытую страницу и подняла на него услужливый взгляд. Камарин даже не взглянул в ее сторону. Когда начальник вышел, несколько человек двинулись ему навстречу. Он поднял ладонь, призывая подождать.

В коридоре он еще раз пожал на прощание руки казакам и, напомнив, чтобы все действия согласовывали с ним лично, откланялся.

Уже спускаясь по лестнице, Самогон услышал последнюю фразу начальника наркоконтроля:

- Будут звонить из Курской, сразу соединяй.

Пруды

Казаки вернулись в станицу к обеду. Гаркуша нарезал зигзагов по Курской и высадил всех около домов. Атаман вышел последним - он жил почти на краю станицы.

- Забирать, как обычно? - Гаркуша выглянул в окошко.

- Да, без пяти час подъезжай.

Не дожидаясь, пока машина тронется с места, он толкнул калитку и вошел во двор.

В открытое окно Жук услышал, как жена что-то напевает на кухне. Во дворе он чуть не зацепил ногой педаль собственного велосипеда. Атаман вырос в станице, где почти каждый житель с детства большую часть года передвигался только на двухколесных машинах. Он тоже, несмотря на обилие подотчетного транспорта, любил прокатиться с ветерком на двухколесном друге до магазина или на рыбалку в субботу. «Кто его здесь поставил? Опять, поди, сын брал?» Степан предпочитал кататься на отцовом велосипеде, который в его понимании был «круче» собственного. Чертыхнувшись, он передвинул технику поближе к сараю в глубине двора и взбежал по ступенькам на крыльцо.

Вера суетилась у плиты, разогревая остатки вчерашних макарон с котлетами. Каждый раз, встречая свою жену даже после самого короткого расставания, хоть и на несколько часов, он ощущал поднимающуюся к сердцу нежность. Они были женаты уже больше двадцати лет и, по опыту большинства нынешних

семей, должны были бы давно надоесть друг другу. Однако этого не происходило, напротив, чем старше становились дети, чем больше морщинок появлялось на родном лице, тем теплее он относился к женщине, родившей ему троих замечательных детей. И самое приятное состояло в том, что это чувство было взаимным.

- Привет, - поздоровался Никита Егорович, скинул туфли в прихожей, подошел и, приобняв супругу, чмокнул в подставленную щеку.

- Привет, - улыбнулась она, - куда ездил? - Она с первого взгляда определила, что муж только что откуда-то вернулся.

- Привет, - он тихо улыбнулся, всем существом ощущая, как хорошо и уютно ему дома, рядом с Верой, - в город ездили, в наркоконтроль с начальником знакомиться. Хороший мужик оказался.

- Есть будешь?

- Конечно, буду, голодный, как волк зимой.

- Руки мой.

Когда он вышел из ванной, на столе уже исходила паром тарелка любимых щей. Рядом возвышалась горка ломтей серого хлеба и чашка со сметаной. Атаман невольно сглотнул слюну. Себе Вера наложила макарон с половинкой котлеты.

- Что так мало себе?

- Аппетита что-то нет. На работе чая напилась с печеньем.

- Что там у вас? Парамонов не придирается?

- Да нет, что ему придираться. Наоборот, как тебя Атаманом выбрали, таким вежливым стал, прямо джентльмен. То ли побаивается, что ты и до него со своим порядком доберешься, то ли чего хочет от тебя.

- Скорее второе, - буркнул Никита Егорович с полным ртом. Вера подняла на мужа тревожный взгляд:

- Что там Ваня, видишь его?

Никита Егорович сглотнул кусок и кивнул.

- Как он, не похудел?

- Да нет, нормальный.

- Ты ему скажи, что я пельменей напекла. Его любимых, пусть хоть на обед заходит.

- Передам, - Атаман задумался и вдруг понял, что не ощущает вкуса щей. Он еле заметно встряхнул головой и постарался

направить мысли в другую сторону.

Стол стоял у окна, и за обедом Жуку нравилось наблюдать за кусочком родной улицы. Вот и сейчас, чтобы отвлечься, он начал внимательно рассматривать такую знакомую картину за окном. Атаман жил в родительском доме, который расширил, пристроив две комнаты, приподнял и утеплил мансарду. Сейчас наблюдал за десятком растрепанных воробьев, что купались в небольшой лужице у колонки. «Красота в простоте, - думал Никита Егорович, - ведь ничего особенного нет, ну, что такое эти воробьи, так, шум и вред подсолнухам, а печальные думы отпускают и на душе светло становится. Наверное, вот за такие маленькие ежедневные картинки и стоит бороться, и ради них жить, чтобы и дети их могли видеть, и при этом чувствовать то же, что и я сейчас, и внуки. По большому счету, не в воробьях же дело, а в том, что они скачут на родной улице, в станице, в которой живешь с рождения, и предки твои здесь жили. В том дело, что эти воробьи тоже частичка твоей Родины. От нее и сила в душе. А в теле крепость от рода передается. Вот в чем сила. А не в придуманной красоте, типа экспрессионизма, который никогда не понимал и не принимал, да уже и не приму. Вот эта пыльная улица за окном мне гораздо дороже любых «измов». Тем и живем, и силу питаем. И это правильно».

Размышляя, он незаметно прикончил тарелку щей. Супруга принесла вазочку с медом и разлила по чашкам чай.

Отхлебывая горячий напиток, Вера вдруг вспомнила, что вчера вечером заходила сестра Тамара.

Никита Егорович вопросительно поднял глаза:

- Опять за Валерку просила?

Супруга сделала паузу - не ожидала, что он сразу вычислит то, к чему она хотела подвести издалека.

- Да, - она опустила глаза, - просит, чтобы не выгонял. Она с ним серьезно поговорила, он твердо обещал - больше такого не повторится.

- Он мне тоже обещал, - хмыкнул Атаман, - два раза. Думаешь, я с ним не строго разговаривал? Все признает. Да, говорит, виноват, а толку как не было, так и нет. Я за меньшее увольняю без всяких разговоров, а тут запой и прогул. Сама подумай, как я потом людьми руководить буду, когда племянник такое вытворяет?

- Да понимаю я все. Но жаль ее. Сестра все-таки. Да и Валера не чужой, парень же хороший, добрый да и жениться вон собрался. Может, что-нибудь придумаешь все-таки, что сразу выгонять? - она просительно заглянула мужу в глаза.

Жук вытер салфеткой губы и потянулся к сушке.

- Уволиться ему по любому придется, это уже не обсуждается. Но одна идея есть.

Супруга наклонилась грудью на стол.

- Нам вроде бы пруды колхоз передает в собственность, сейчас, кстати, и собираюсь в правление съездить. Если все срастется, возьму его туда охранником. Зарплата, конечно, поменьше будет, чем в автоколонне, но тут ему никто не виноват. Надо было за место держаться, а не гулянки устраивать. А то он, похоже, решил раз дядя начальник, то его выходки прикроет. Не угадал парень.

- Какой строгий, - попыталась она улыбкой расслабить мужа. Но тот остался серьезным.

За окном скрипнула тормозами подъехавшая «Волга».

- Ну, мне пора, - подскочил Атаман, выглядывая в окно - точно ли это Гаркуша. Это оказался он.

Атаман чмокнул супругу и помчался в комнату - переодеться в чистую рубашку.

- Ты только Валерке пока ничего не говори, - крикнул он уже с улицы, - не ясно же еще ничего.

- Хорошо, - отозвалась она, закрывая за мужем дверь, - что я, ничего не понимаю?

* * *

Председателем колхоза, а точнее Открытого акционерного общества «Заря коммунизма» Наум Константинович Щербатый стал лет пять назад. В станице он был человеком никому не известным, и выбирали его долго, в несколько приемов. До него во главе хозяйства сменилось уже несколько руководителей. Каждого следующего председателя привозили из города и буквально заставляли колхозников выбрать назначенца. Толпа с ропотом, который с каждым разом становился все громче, подчинялась нажиму городских начальников, выбранный руководитель занимал кабинет председателя, и все повторялось почти под кальку - через год или два он заваливал то ли сев, то ли уборку, снижал надои и урожаи - и его потихоньку переводили

куда-нибудь на другое теплое местечко. Но в последний раз станичники возмутились уже во весь голос. Им, наконец, надоела председательская текучка, и они почти единодушно прокатили нового кандидата на выборах. Еще жива была память о первом послевоенном председателе колхоза Зарецком. Офицера-фронтовика партия направила поднимать полностью разрушенное войной хозяйство. Из всех активов в колхозе оставалось только стадо из десяти породистых дойных коров, которых прежний начальник МТС Жук, дед Никиты Егоровича, почти год прятал от гитлеровцев в азовских плавнях. Зарецкий за пару лет превратил колхоз в передовое хозяйство, которое потом на протяжении почти сорока лет не сдавало лидерских позиций. Такого хозяина и хотели бы видеть во главе колхоза курчане. Но, к сожалению, ни один из его последующих сменщиков, несмотря на широко раздуваемые щеки и правильные слова, на практике недотягивал даже до уровня конюха Зарецкого, не то что руководителя крупного сельского предприятия. Новый кандидат тоже не производил впечатления Хозяина. Маленький, суетливый, с проплешиной на всю голову и несмываемой улыбкой всезнайки, он больше напоминал торговца «последними новинками литературы», каких развелось в эти годы по всей стране немерено.

Уговаривать неожиданно взбунтовавших станичников приехала заместитель начальника районной администрации Оксана Григорьевна Патрикеева - толстозадая и горластая тетка. События происходили в середине 90-х, на самом пике торжества «демократии», и обойти каким-то образом голосование - достижение нового уклада - не представлялось возможным.

Оксана Григорьевна пела как соловей, колхозники мрачно слушали, изредка матерясь между собой, и когда приходила пора поднимать руки, за Наума Константиновича высказывались всего три-четыре с детства напуганные властью бабки. Так продолжалось четыре недели. Сход собирали строго каждое воскресенье. В этот день из района приезжала представительная делегация, возглавляемая Патрикеевой, и все начиналось сначала. На пятый раз, выведенная из себя непонятной упорностью станичников, Оксана Григорьевна заявила, что им все равно придется избрать Щербатого, хотят они того или не хотят. В противном случае она не уедет из колхоза до тех пор, пока не добьется нужного результата. И до той поры работа колхоза

прекращается, на работу никто не идет, все будут сидеть в ДК. «Раз не хотите по-хорошему, - заявила она, - будет по-плохому».

И это ее нахальство, граничащее с самоуправством, действовало на жителей Курской так, как она того и добивалась. Испугавшись за жизнь колхозных буренок и лошадей, станичники, плюясь и ругаясь, проголосовали-таки за «Ущербного Наума», как его уже успели прозвать в Курской. Щербатый наконец-то занял вожацкое кресло, и колхоз, вскоре переименованный в ОАО, медленно, но уверенно покатился по наклонной плоскости к полному разорению.

Напор и «умение убеждать» Патрикеевой счастья, однако, не принесли. Через несколько месяцев, она, подцепив какую-то злую венерическую болячку, сведущие люди поговаривали про сифилис, утопилась в Лабе, повторив тем самым судьбу одной из героинь романа «Тихий Дон». Тут же выяснилось, что Щербатый приходился ей племянником. Впрочем, на его позиции в Курской это уже не повлияло, и Наум Константинович со всем талантом менеджера западного образца упоенно продолжил забивать метровые гвозди в крышку гроба бывшего колхоза-миллионера, естественно, не забывая про свой постепенно раздувающийся карман.

Кабинет Щербатого выглядел презентабельно. Отделка стен орехом и буком плавно переходила в матовые кожаные диваны и кресла, приготовленные в приемной для посетителей. В этот час, однако, приемная была пуста. Даже секретарша куда-то упорхнула, и Жук в сопровождении Василия Ивановича уверенно толкнул тяжелую дверь кабинета директора акционерного общества.

С годами Наум Константинович приобрел все повадки руководителя, например, размеренность в суждениях, весомость в словах, и вырастил отвесистое пузо, став похожим на небольшого, но зловредного и неповоротливого мышонка. Он встретил посетителей, не поднимая головы.

- Подожди за дверью, я занят.

Атаман не обратил внимания на хамство директора и уверенно прошел к столу. Василий Иванович тоже не отстал. Щербатый медленно поднял удивленный взгляд и тут же, узнав Атамана, сменил выражение лица на радостно-смущенное.

- Это ты, Жук, а я думал, опять кто-то из этих, - он слегка сморщился, - зарплату пришел просить.

- А ты, значит, с «этими» не церемонишься? - казаки присели на предложенные стулья.

- Да что ты, Никита Егорович, - он суетливо обогнул стол и занял место напротив, - я с ними по-нормальному, как положено, а вот они...

- Что, неблагодарные?

Щербатый вытянул губы трубочкой:

- Ну, ты, все-таки жук. Говори, зачем пришел, не просто же поболтать...

- Что там насчет прудов? Василий Иванович говорит, отдаешь?

Наум Константинович притворно вздохнул:

- Забирай. Веришь - нет, сердце изболелось. Совсем кранты приходят прудам. Пока другими делами занимался (Василий Иванович незаметно скривился), там рыба вся подохла. Хотел продать, никто не берет, еще несколько месяцев, и вообще никому бесплатно нужны не будут. Так что забирай, но я тебя предупредил: работы там неупроторот.

Атаман откинулся на спинку стула и постучал пальцами по столу, переглянулся с Василием Ивановичем:

- Слышь, Иваныч, как думаешь, может, оказаться от такого подарка? Туда, наверное, денег надо вбухать... Где возьмем? Одного малька закупить - обанкротимся.

Василий Иванович призадумался.

- Даже не знаю, что и сказать, - начал он неуверенно, - по идее, сами пруды - это, конечно, хорошо, никто не спорит. Вопрос в деньгах. Такие пруды были шикарные! А какие люди рыбачить приезжали - и из района, и из Края, и даже из-за рубежа были. Года три назад, помню, испанцы тут целый месяц в палатке прожили и на следующий год, по-моему, тоже приезжали. - Щербатый с готовностью подтвердил: «Точно, приезжали». - Прибыль шла постоянная. Как он умудрился такое хорошее дело развалить, вот что я не понимаю. Он же их под корень загубил, и теперь нам хочет всунуть, мол, на тебе боже, что самим не гоже, - он твердо посмотрел на опустившего глаза директора. - Надо еще пять раз подсчитать, нужен ли нам такой подарок.

- Ага, - улыбнулся Атаман, - слышишь, Константиныч, что Василий Иванович, мой главный по хозяйству говорит. Я вот тоже сомневаюсь. Ты бы нам рассказал, действительно, как можно такое доходное дело завалить. Ну и еще поделись - в чем твой-то интерес? Ведь вижу, что заинтересован в продаже, вот только не могу никак сообразить, зачем тебе от прудов-то избавляться, пусть бы гнили себе. Тебе не привыкать разваливать. Какая конеферма была! Лучшая в крае. А помидоры, а арбузы где? У нас же их раньше на огородах не сажал никто - копейки для своих стоили. Там же, где и конеферма, правильно я говорю? А, Константиныч, что молчишь?

- А что тебе говорить, и сам, поди, видишь, что на дворе творится. Кому сейчас сельское хозяйство нужно. Себе в убыток никто не будет работать. А знаешь, какие на этих коней средства уходили?! Где я их тебе возьму, из убытков что ли? А там ведь за каждым ухаживать надо, электричества, знаешь, сколько уходило? А помидоры... Их за такие копейки перекупщики брали, что стыдно вспомнить. Не то что зарплату людям заработать - солярку на технику не оправдывали. А ты говоришь, Зарецкий... Посмотрел бы я, как он в таких вот условиях повертелся.

- Ты мне тут из себя сироту казанскую не строй. Знаю я, куда у тебя прибыль девается. То-то у тебя коттедж в районе как на дрожжах вырос, это в три этажа-то. Да и здесь, в станице, тоже немаленький домик-то себе отстроил. Правда, пониже - всего в два этажа. Поди, еще что-нибудь есть, а?

Наум Константинович пожевал губами и сердито отвернулся от Жука. Тот продолжил:

- Не об этом сейчас речь к твоему счастью. Хотя, не исключено мы с тобой эту сторону твоего хозяйствования еще обсудим, со временем, - он переглянулся с Василием Ивановичем.

Чапай повеселел:

- А то как же, конечно, обсудим. Вызовем на круг и заставим отчитаться, как он руководил, на что деньги тратил. Все расскажет. А не расскажет, мы ему пяток горячих пропишем. У нас Митрич знаешь, какой мастак с нагайкой обращаться.

В глазах Наума Константиновича мелькнуло беспокойство. Он старательно придавил его. Но казаки заметили.

- Да вы что? Какие горячие! Думаете, на вас милиции не най-

дется. Да я вообще удивляюсь, как вас за то самоуправство в клубе до сих пор не посадили.

Атаман уперся пристальным взглядом в уворачивающиеся зрачки Щербатова:

- Значит, удивляешься? А ты понимаешь, что сейчас с казаками разговариваешь - настоящей властью в станице. Думаешь, тебя милиция защитит, когда станичники вечером придут тебя из твоего коттеджика выкорчевывать? А то и по-другому можно. Просто сгорит наш председатель вместе с домом как-нибудь и все. Окурок забыл затушить. Ты, правда, веришь, что кто-то в Курской за тебя переживать станет? Да если каждый из желающих плюнуть на твою могилу в очередь встанет, то она через всю станицу пройдет. Ну, и как тебе такая перспективка?

Щербатый медленно бледнел:

- Да вы что, казаки? Я же так, не серьезно. Я же полностью на вашей стороне. Готов вас поддерживать во всех делах и финансово даже.

- Ты сначала зарплату станиционерам всю отдай, а тогда и поговорим о поддержке финансовой, - сказал Василий Иванович, глядя в окно.

- Да я разве против?

- Так когда зарплату выплатишь? - Атаман положил крепкие кулаки на стол перед лицом Щербатого.

Тот покосился на них и выдал:

- Вот завтра же и начну отдавать. Я и так собирался.

- Просто замечательно, - подытожил Атаман, - не зря зашли. Доброе дело сделали. Ну, а теперь вернемся к нашим баранам. Давай рассказывай, что задумал, что за нужда пруды казакам отдавать? В чем твой интерес?

Щербатый покачнулся в кресле и, не удержавшись на месте, подскочил:

- Какой мой интерес может быть? Ты, Егорыч, сам подумай, - Наум Константинович вставил руки в карманы и нервно закачался на носках перед столом, - только из чистого альтруизма отдаю (Атаман еле удержался, чтобы не съехидничать). - Понимаю же, люди там работают, завалится хозяйство совсем, кто их кормить будет? Поэтому ты, Жук, не сомневайся, тут без всякого второго дна. Я тебе даже помогу поначалу, у меня в банке одном шурин работает, так он тебе кредит почти беспро-

центный выдаст на малька. И где купить, чтобы не подох сразу, подскажу. Ну, что, согласен или нет? Я тебе такое дело выгодное отдаю, другой бы сразу вцепился двумя руками, а этого... как барышню, уговаривать надо, - Щербатый перестал раскачиваться и, явно волнуясь, замер, ожидая ответа.

Атаман опять переглянулся с Чапаем. Тот еле заметно кивнул: «Соглашайся».

- Ну, ладно, - Атаман решительно поднялся, - возьмем пруды. Но только ты насчет «барышни-то» что-то не то сказал, по моему.

- Прости, - директор примирительно поднял руки, - погорячился, беру свои слова обратно.

- Прощаю. И чтобы между нами никаких недоговоренностей не осталось, договор напишешь на безвозмездную передачу в собственность. Не знаю, как это сделать, но ты предложил - тебе и карты в руки.

Казакам показалось, что Наум Константинович в это момент облегченно выдохнул.

- Вот и славно. Договорились, - он уже выбегал из-за стола, выставив впереди себя ладонь для рукопожатия, словно пику, и натянута улыбаясь.

Атаман пересилил себя и пожал предложенную руку. Василий Иванович, пользуясь тем, что он здесь лицо по большому счету неофициальное, так - советник, отвернулся в этот момент к окну, сделав вид, что что-то там внимательно разглядывает, и таким образом избежал сомнительного удовольствия.

Щербатый проводил казаков до двери, чуть ли не кланяясь, и когда они, наконец, уже не могли его видеть, на самом деле облегченно вздохнул и вытер со лба мелкие капельки пота.

Потом он быстро прыгнул в покачнувшееся кресло, схватил телефон и набрал несколько цифр. После пяти гудков трубку сняли, и твердый голос деловито произнес:

- Слушаю тебя, Щербатый.

Директор судорожно сглотнул слюну и затараторил:

- Василий Яковлевич, добрый день. Как настроение, как супруга себя чувствует?

- Ты не юли. Говори, зачем звонишь? - перебили его на том конце.

- Василий Яковлевич, я все, что обещал, сделал. У прудов

теперь хозяин будет. Как Вы и говорили, хороший хозяин. Думаю, он за год ситуацию исправит. А, может, и быстрее. Вы снова сможете на рыбалку ездить, как раньше. И друзей приглашать. Я ему, конечно, помогу на первых порах, чем смогу...

- Передал бесплатно?

- Конечно, Вы же мне только так велели?

- Кому, конкретно?

- А, казакам. Там у них главный Жук из автоколонны. Он мужик хозяйственный...

- Это точно, не то что ты, гнида. Смотри, узнаю, что не помогу ничем казакам...

- Что Вы, Василий Яковлевич, да я...

Не дослушав, вор в законе Тихомиров положил трубку.

Бабка Матрена

На обратном пути из конторы акционерного общества Атаман заскочил в автоколонну. Думал, ненадолго, но мелкие дела задержали до самого вечера. Перед проходной уже привычно дежурили несколько женщин - поджидали Атамана. У одной украла поросенка, другая пришла пожаловаться на соседей, которые торгуют самогоном и потому около дома постоянно сидят пьяные мужики. Он принял к сведению и пообещал разобраться. И уже уходя, вдруг заметил в сторонке прижимающую уголок платка к виску бабку Матрену. Еще несколько лет назад она работала в автоколонне бухгалтером. Жук начинал при ней водителем и мог, как и все водители автоколонны, вспомнить Матрену Ивановну только хорошими словами. К каждому празднику 9 Мая ее в числе других ветеранов войны - бабка Матрена воевала - приглашали в контору, где для фронтовиков устраивалось небольшое застолье с выступлением местной самодеятельности.

Никита Егорович задержался и подошел к бабушке. Она поглядывала на него робко, словно хотела что-то сказать, но не решалась.

- День добрый, Матрена Ивановна.

Она подняла неуверенный взгляд и почему-то плотнее прикрыла висок.

- Случилось чего? Неужто опять сынок отличился?

Матрене Ивановне не повезло с сыном. Он мало того, что два-
-

ды отсидел за хулиганство, за всю жизнь, а было ему уж под шестьдесят, не работал ни одного дня, живя сначала на материну зарплату, а потом пенсию. А в последнее время обнаглел до того, что начал поднимать на нее руку. Однажды, как-то еще по молодости, Матрена рассказала подруге, а та передала другой, так, что в конечном итоге этот рассказ стал известен всей станице, таинственную историю. В самом начале семейной жизни с супругом Георгием, спокойным и незаметным работником колхоза, трактористом, который помер всего лет десять назад, единственный пятилетний сынок Алексей подхватил сильнейшее воспаление легких. Он горел дни напролет, часто терял сознание, бредил и, несмотря на все усилия врачей, его состояние стремительно ухудшалось. Лечащий врач, послушав в очередной раз похudevшее тельце, расстроенно покачал головой:

- Крепитесь, мы сделали все, что могли. Теперь все в руках Его или Ее, не знаю уж, кто там за это отвечает, - и он показал пальцем куда-то вверх. - Крепитесь, - бросил он напоследок и торопливо вышел из палаты.

Матрена не зарыдала, не упала на пол в истерике, а напротив собрала духом и решила бороться до конца. С этого момента она проводила на коленях в местной церкви у иконы Божьей Матери по несколько часов. Не оглядываясь по сторонам и не замечая изучающих и удивленных взглядов редких прихожан, в основном старушек в платочках, она молилась о здоровье сына. Молитв она не знала и потому говорила все, что могло прийти в голову несчастной матери.

На третий день ночью, когда она ненадолго задремала на стульчике у кровати Алексея, ей было то ли видение, то ли короткий сон, а, может, и явь, после она так и не смогла определить. Над кроватью вдруг выросла туманная фигура Богородицы. Матрена почему-то сразу узнала ее. Дева была в темном с блестками платке, из под которого выбивалась белокурая прядь, и длинном черном платье с накидкой.

- Ты уверена, что хочешь жизни сыну? - спросила Богородица тихим, но четким голосом.

Матрена упала на колени и залилась слезами:

- Конечно, уверена, сынок же, единственный, кровинушка.

Дева подняла руку над головой похрипывающего без сознания Алексея:

- Будь по-твоему. Только смотри, потом не пожалей об этом, – она провела ладонью по горячему лбу сына, бесстрастно взглянула на замершую мать и исчезла.

В тот же миг Матрена очнулась. В палате светлело, за окном щебетали утренние птицы. Она стремительно перевела взгляд на сына. Дыхание поднимало тонкую грудь ребенка равномерно, не слышно было хрипов, сын не вздрагивал, не бредил. На впалых щеках прямо на глазах растворялся без следа болезненный румянец. Алексей крепко спал. С этого момента он пошел на поправку, и вскоре его выписали из больницы.

Сейчас, стоя напротив бабки Матрены, Атаман невольно вспомнил эту полумифическую историю и подумал: «Интересно, пожалела ты теперь о том, что тогда оставила его жить?»

Бабка Матрена виновато заглянула в глаза Атаману и тихо взяла его за рукав:

- Никита Егорович, извини меня, но, кроме тебя, мне больше не к кому обратиться. А у вас, казаков, сейчас власть. Совсем Алексей измучил. Теперь и пенсию забирать начал. До того дошло, что продуктов не на что купить. Поговорил бы ты с ним, а?

Атаман кинул жесткий взгляд поверх головы бабушки:

- Поговорим, обязательно. Сегодня же вечером. Если сам не смогу заскочить, пришлю кого-нибудь. Хорошо?

- Хорошо. Только лучше бы ты сам поговорил. Он тебя уважает.

- Ладно, Матрена Ивановна. Постараюсь вырваться.

- Вот и хорошо, только ты уж не забудь, ладно.

Он глядел в спину маленькой, измученной непутевым сыном старушки и думал, каким же надо быть уродом, чтобы довести мать до того, чтобы она, преодолев естественный стыд, пришла за защитой от родного сына к чужому человеку?

В этот момент мимо шлагбаума промелькнул Валерка - племянник Жука, и начальник автоколонны резко развернулся и скорым шагом, чтобы нагнать его, двинулся следом. Пора было принимать от непутевого родственника заявление на увольнение. «И обойдется без двух недель», - сердито определил для себя Атаман.

После работы домой сразу не поехал. Взял с собой закусившего губу после рассказа о визите бабки Матрены Митрича и вдвоем отправились к старушке. Гаркушу он уже отпустил и потому

за руль «Волги» сел сам. Бывший бухгалтер автоколонны жила в маленьком ухоженном домике за перекошенными деревянными воротами. Перед домиком, как почти у всех соседей, росли высоченные ореховые и абрикосовые деревья. Во дворе кто-то возился, казаки слышали негромкое гнусавое бормотанье. Атаман постучался в ворота.

- Кто там, заходите, - отозвался из-за нее хриплый мужской голос.

Никита Егорович толкнул калитку и вошел. Во дворе под развесистой яблоней в старом кресле, развалясь, сидел сгорбленный бородатый мужичок. Увидев гостей, он быстро поднялся и хотел было скрыться в доме, но Атаман остановил его:

- Ты куда, Алеша?

- Так, мать позвать, вы же до нее, наверное.

Нахмуренный Митрич дернулся вперед, но Атаман незаметно попреридержал его.

- Мать что делает?

- Да отдохнуть легла.

- Ну, пусть отдыхает. Мы по твою душу, если она у тебя есть вообще.

Алексей неуверенно задержался. В глазах мелькнул легкий страх, перемешанный с нахальством и уверенностью, что ничего они ему не сделают, а лицо исказила неестественная улыбка:

- Что вам от меня надо-то?

Митрич опять рванулся вперед, и Атаман на этот раз не стал его удерживать.

- Ах ты скот, - он, не церемонясь, с ходу от души врезал Алексею ладошкой по уху.

Голова его дернулась, словно висела ни ниточке, и он, защищаясь руками от последующих ударов, повалился в кресло.

Митрич ухватил его за горло и, напрягшись, приподнял над сиденьем. Алексей двумя руками вцепился в толстую, как удав, руку Митрича и пытался что-то сказать, но лишь хрипел и выпячивал возмущенно-жалостливые глаза на Атамана. Никита Егорович молчал, играя желваками и еле удерживаясь от того, чтобы и самому не всадить ногой в живот этой мерзости. Глаза Алексея стали мутнеть и закатываться, а сопротивление стихать. Атаман взялся за плечо Митрича:

- Хорош пока, отпусти гниду.

Тот нехорошо ухмыльнулся и бросил обмякшее тело на кресло. Алексей упал, хватаясь руками за горло и сипло дыша передавленной трохеей. Дождавшись, пока он немного отдышится, Атаман приблизился и наклонился над ним, упершись руками в спинку кресла.

- Ну, что, урод? Ты понял, что мы хотели сказать, или повторить.

- Понял, - сипя, испуганно выдавил Алексей и для убедительности несколько раз кивнул головой.

- Что ты понял, мразь? - Митрич выглянул из-за плеча.

- Все понял, мать не обижать чтобы.

Атаман выпрямился, но не отошел:

- Правильно понял, но не совсем. Вообще чтобы к матери пальцем не прикасался и про пенсию ее забыл. Если узнаем, что не запомнил, еще раз зайдем, и тогда я Митрича останавливать не буду. Пусть уж душит до конца. А труп голый мы в Лабу скинем. Через неделю тебя найдут раздувшегося, воняющего. Раки лицо объедят, пальцы и гениталии - шуки и сомы. И никто тебя не узнает, потому что никто не потеряет. Матери скажем, что сбежал ты, нас испугался и сбежал. Думаешь, жалеть будет? Нет, только перекрестится. И запомни, у тебя за забором Гойда живет - наш казак, он да супруга его за тобой смотреть будут. Если что, ты понял, разговор будет короткий, а точнее совсем не будет разговора. Ну, скажи что-нибудь.

Алексей мрачно кивнул и отвел глаза.

- И что тебя маленького мать пожалела, - Митрич презрительно сплюнул ему под ноги, - я бы такого не пожалел, даже если бы мой сын был.

- Ну, ладно, пошли отсюда, а то Матрену поднимем, - и уже стоя у калитки добавил, - ей, смотри, ничего не говори, она про нас не знает, не надо мать расстраивать.

Пока служебная «Волга» ехала до дома Митрича, тот все никак не мог усесться спокойно.

- Нет, ну как таких подонков земля держит, - ерзал он по сиденью, - нормальные мужики до 50 лет не доживают, а этот - растение, даже не растение, от того-то польза есть, - так, куча г., живет себе и хоть бы что. Нет, я этого не понимаю...

Никита Егорович посадил разволновавшегося Алексея у его дома и развернул машину. Стоял теплый осенний вечер. Улицы

заполнялись звонкими молодыми голосами, где-то неподалеку играла гитара. Мотив звучал грустный и слегка тревожил душу. Никита Егорович проехал до соседней улицы и там развернул «Волгу» в противоположную от дома сторону. Он недавно узнал через казаков адрес Светы - подруги сына, и сейчас, не зная еще зачем, решил проехать мимо. Двор молодой разведенной женщины он нашел быстро. Небольшой домик с шиферной крышей, старый штакетник перед палисадником, приоткрытая калитка, в которую выглядывал пятилетний мальчишка с большими светлыми глазами. Атаман остановил машину, не доехав до ее ворот метров двадцать. К счастью, поблизости никого больше не было видно. Мальчишка выглянул из калитки еще дальше и уставился на машину Атамана. Никита Егорович невольно съехал по сиденью вниз. Не хотелось, чтобы его здесь видели и тем более узнали. Мальчишка потерял интерес к «Волге» и наконец скрылся во дворе. «По времени сейчас Иван должен уже вернуться с работы. Может, выглянет во двор, - тихо размышлял Жук, - позову и поговорю еще раз. Только бы эта Света не вышла первой. С ней вообще не хочу встречаться». Никита Егорович устроился поудобнее и приготовился ждать. Однако долго просидеть не удалось. Минут через пять к дому напротив на «пятерке» подъехала шумная компания из двух парней призывного возраста и трех девчонок, по всему еще школьниц. Они остановились на обочине и, громко гогоча, выгрузились из машины. Похоже, здесь жил один из парней. Он убежал домой, а остальные достали сигареты и, прикуривая друг от друга, задымили. Дамы откровенными взглядами стали посматривать на Атамана. Одна, накрашенная, как индеец на тропе войны, стрельнула в его сторону взглядом и, натянуто улыбаясь, хрипло поделилась с подругой, более высокой, в обтягивающих лосинах:

- Симпатичный дядечка. Кого он тут ждет, как думаешь?

Подруга выдохнула ком сизого дыма и равнодушно пожала плечом:

- А я почему знаю, интересно - спроси. Может, у него тут свидание.

- Это, наверное, со мной, - первая подруга, нисколько не смущаясь, принялась с интересом разглядывать Атамана.

- Э, девчонки, - заволновался прыщавый парень с пухлыми губами, - вы же с нами сегодня, забыли что ли?

- Расслабься, парень, с кем хотим, с тем и будем.

Атаман, не дожидаясь, к чему приведет их словесная пикировка, завел мотор и резко нажал на газ. «Вот, блин, молодежь, - ругнулся он шепотом, прижимая педаль скорости, - нигде от них покоя нет». Он завернул на соседнюю улицу и, включив третью скорость, не торопясь, направил машину к дому.

Атаман подъехал к своему двору уже в легких сумерках. В кухонном окошке горел свет. Калитка оказалась приоткрыта. Проходя через двор, он заметил отсутствие велосипеда у сарая. Неужели сын до сих пор где-то катается? Последнее время он видел Степана редко, даже не каждый день. Правда, как только начались школьные занятия, он стал приходить домой до 11, но и в это время Никита Егорович, уставший за день, как правило, спал. В этот же раз он услышал голос Степана уже в коридоре. Он о чем-то задиристо спорил с сестренкой, та вяло огрызалась и явно поддразнивала брата. Никита Егорович кивнул супруге, которая мыла посуду у раковины, и прошел в комнату:

- Привет... О чем сыр-бор?

Степан смущенно обернулся:

- Да вот, эта кикимора запрещает мне брать твой велосипед. Скажи ей, ты же мне разрешаешь?!

- Да, - тут же подхватила она и прыгнула на колени, - у тебя свой есть, зачем папин берешь?

Атаман устало улыбнулся:

- Я тебе сколько говорил, не называй Настюху кикиморой.

Настя шутливо надула губы:

- Я ему говорила,.. а он.., - и высунула язык.

Никита Егорович прошел по мягкому ковру и тяжело опустился в кресло.

- Степа, ты куда велосипед поставил?

- Там он стоит, у сарая.

- Нет его там.

- Как нет, сам полчаса назад поставил, сейчас посмотрю, - он легко развернулся и выскочил в коридор. Хлопнула входная дверь, простучали тапочки по крыльцу, на секунду остановились и тут же зашлепали обратно.

- Пап, - сын выглядел встревоженным, - ничего не понимаю, нет его там.

Забеспокоился и Атаман:

- Ты точно помнишь, что ставил туда?
- Склерозом не страдаю. Головой ручаюсь, что поставил. Атаман крикнул и быстро поднялся:
- Неужели стырили.

Сын с дочерью наперегонки бросились на улицу. Атаман поспешил следом.

- Эй, вы куда все? - из кухни выглянула озабоченная Вера. - Случилось что?

- У папы велосипед увели, - пояснила проигравшая первенство по выскакиванию на крыльцо Настя.

- Как увели? - не поверила Вера, и, вытирая руки на ходу посудником, пошла за всеми.

Велосипеда не было. Отец с сыном на всякий случай заглянули в сарай, обошли его вокруг, Настя даже в огород сбегала, глянула за домом. Стало понятно, что технику действительно украли.

- Вот это воры дают, - Спепан с легкой улыбкой развел руками, - у самого Атамана украли. Не побоялись.

- Ничего, - утешила Настя отца, - завтра казаки его мигом найдут, правда, пап? - она преданно заглянула ему в лицо и прижалась к руке.

- Не знаю, - Атаман потрепал девочку по туго стянутым в косичку русым волосам, - может, и найдем, а может...

Супруга взяла мужа за вторую свободную руку:

- Теперь что дергаться? Завтра будете обсуждать и искать, а сегодня ужинать пора. Давайте заканчивайте этот переполох и домой - руки мыть. Велосипед не иголка, может, и найдете. Картошка на столе стынет, а они тут еще, - она раскинула руки и увлекла несопротивляющихся родных в раскрытые двери дома.

Велосипед

На перекрестке «Жигули» - десятую модель, которой управлял Михаил Гаркуша, подрезала какая-то ржавая «копейка» с затемненными стеклами. Рядом с Михаилом возвышался, почти касаясь затылком потолка «Жигулей», кум Гаркуши, тоже водитель Василий Смагин, по совместительству станичный тренер. Проводив улетевшую «нахалку» взглядом, он вслух возмутился.

- Нет, ну они совсем обнаглели.

Кто были они - он не уточнил, поскольку не знал, но в чем он совершенно не сомневался, так это в том, что драндулет неместный. Станичники по родной Курской так не ездили, разве что кто перепьет, да кровь в голову ударит - захочется полихачить, но такое случалось редко. Да и машины хоть и не все, но большую часть казаки знали. Такой - наглой и ржавой - среди знакомых не находилось. А потому возмущение Василия имело под собой вполне законные основания.

- А мы сейчас посмотрим, кто это у нас такой шустрый, - Миша Гаркуша, прозванный в станице Голубятником за фанатичное увлечение разведением этих птиц, резко придавил pedal газа и пустился в погоню за определенно превышающей скоростной режим «копейкой».

Казаки трудились в колонне, Миша в основном возил начальника. Но иногда пересаживался на дежурную «Газель». Набрав переработку, он уходил в отгулы. Сейчас был как раз такой случай. Василий крутил баранку на вахтовке-апельсинке по недельной вахте. Вчера он отработал последний седьмой день, сегодня началась неделя отдыха, и потому их нигде особо не ждали. Вообще-то этим утром они направлялись в соседнюю станицу к коллеге Михаила по увлечению Сеньке Василюку. Говорили, будто у него появился редкий мраморный чубатый голубь. Гаркуша не мог оставить эти слухи без подтверждения - он и сам давно мечтал завести такой экземпляр, но требуемый все никак не попадался, а тут его кто-то опередил. В общем, казаки решили немного подзадержаться и проверить - все-таки хозяева станицы - кто же это так по-хамски ведет себя на дороге.

Тем временем «копейка» свернула в какой-то проулок, оказавшийся длинным и извилистым. Гаркуше все никак не удавалось нагнать ее. Дорога здесь отличалась от остальных станичных отсутствием асфальта, и выбоины не давали «Жигулям» разогнаться. Водитель же «копейки» свою родимую особо не жалел и резво прыгал впереди, снова начиная удаляться. На какой-то момент казаки потеряли преследуемую машину из вида. Повернув очередной раз, они вдруг не увидели впереди уже знакомого проржавевшего бампера.

- Куда, блин, она подевалась? - Василий завертел головой на длинной, словно растянутой специальными упражнениями шее во все стороны.

- А ну-ка, - Михаил вдруг резко остановился, так что кум его чуть не врезался головой в стекло, - вон она родимая, - он немного сдал назад, и в щели деревянного забора оба разглядели запыленный бок «копейки». Рядом суетился какой-то смуглый мужик.

- Знаешь что, - Михаил оглянулся на кума, - мы его сейчас однозначно прижучим, чтоб в следующий раз не наглел больше.

Он наклонился над бардачком и, поковырявшись там, извлек краснокожее удостоверение с надписью «ГИБДД».

- Вот, на вокзале в киоске купил. Как думаешь, прокатит?

- Прокатит, - Василий уверенно кивнул, - вместе пойдем?

- Нет, лучше я один. Ты у нас в районе парень известный, еще узнает этот лихач, не дай Бог. Здесь постой на подстраховке. Если я тебя позову, тогда только подходи, значит, однозначно помощь нужна.

Василий снова кивнул, и оба выскочили из «Жигулей» в разные стороны.

Михаил толкнул деревянную чудом, не развалившуюся до сих пор калитку и уверенно вошел во двор.

Мужик, что-то вытаскивающий из салона, услышал скрип калитки и резко выпрямился, чуть не ударившись о крышу машины. Темный, кудрявый, явно цыган. Увидев постороннего человека во дворе, он что-то быстро закинул на переднее сиденье и стремительно захлопнул дверцу. Гаркуше показалось, что он не на шутку струхнул. Михаил не дал ему опомниться.

- Нарушаем, гражданин? - он достал удостоверение и, не приближаясь, махнул им перед собой. - Старший лейтенант Га..., - он закашлялся - чуть не проговорился, - ...врилов. Пять минут назад ты подрезал «Жигули» на перекрестке, в результате чего машина задела бордюр и поцарапалась. Так что, будем составлять протокол?

Мужик неожиданно быстро пришел в себя.

- Какой-такой подрезал? Ничего не знаю, я вообще никуда не ездил, только собираюсь. Вы меня с кем-то спутали, - он оставался серьезен и явно не собирался сдаваться.

Гаркуша мысленно прокрутил в голове диспозицию и попытался представить, как бы повел себя в такой ситуации настоящий гаишник.

- Ну, ты мне тут дурака-то не строй, - он решил играть до

конца, - есть свидетели, номер твой у меня вот записан, - Михаил достал из кармана блокнот, где у него были переписаны все триста с лишним голубей коллекции, и принялся листать его, - вот номер 123 АА, - он запомнил цифры еще когда заходил во двор. Это позволило ему выглядеть естественно. Уж очень тот был напряжен, как-то подозрительно напряжен. - Твой номер?

- Мой, ну и что, не знаю ничего.

- Значит, будем играть в отказки? Ну, хорошо, хочешь по-плохому, будет тебе однозначно по-плохому. - Он повернулся в сторону улицы, - Василий Петрович, неси протокол, будем составлять.

И тут цыган вдруг вздрогнул и, опасливо оглянувшись, присел. На полусогнутых, накренившись вперед, словно ловил кого-то, он зашаркал к Гаркуше, растекаясь в фальшивой улыбке.

- Старший лейтенант, да ты что, зачем протокол, - он наступал, разводя руки в стороны, незаметно оттесняя Гаркушу от автомобиля, - давай договоримся. Что мы не понимаем? Сейчас время такое – все договариваются.

Отступая, Гаркуша автоматически покосился через затемненное стекло в салон автомобиля. Насколько он успел углядеть, там лежал небольшой целлофановый пакет, туго перевязанный бечевкой, как бандероль.

- Ну, не знаю, - решил поломаться для верности Михаил, - может, все-таки протокол.

- Нет, не надо, скажи сколько, сейчас заплачу.

- Две тысячи, - он решил - наглеть так наглеть.

Цыган округлил глаза:

- Да ты что, откуда две тысячи, тут самое большое пятьсот рублей стоит.

В этот момент Михаил уголком глаза заметил легкое движение в глубине двора, он успел только заметить, как за углом сарая мелькнули две фигуры. И пропали из вида. Сердце неприятно екнуло. Кто-то там явно прятался, не желая попадаться на глаза. Но надо было еще доиграть спектакль.

- Ладно, я сегодня добрый, полторы тысячи, и я забываю про тебя, - они уже стояли у ворот, цыган почти вытолкал «старшего лейтенанта».

Тот торопливо вытащил из кармана стопку смятых стольников:

- Вот, здесь тысяча, мамой клянусь, больше нет.

- Мамой он клянется. Ладно, фиг с тобой, давай сколько есть. Добрый я сегодня.

Гаркуша забрал купюры и, не считая, сунул в блокнот. И сразу же вышел на улицу. У машины ждал Василий.

- Ну как?

- Садимся и валим отсюда, - шепотом сквозь зубы выдавил Михаил и быстро заскочил в машину. Василий с такой же скоростью уселся на свое место.

Уже отъехав метров на двести, Гаркуша глянул в зеркало заднего вида:

- Кажись, пронесло. Что-то здесь у него однозначно нечисто, гадюшник какой-то. Точно, наркотики сюда приходят.

- Едем к Атаману, надо срочно говорить. К Ваське потом съездим.

- Едем.

* * *

Василий Иванович Куров остановился посреди широкой улицы, обсаженной большей частью пустыми уже абрикосами и яблонями, и огляделся. Лишь кое-где еще висели на самых верхушках поздние плоды, до которых не дотянулись вездесущие мальчишки. Он потер о рубашку краснощекое яблоко, которое только что реквизировал с ближайшего дерева, просто попросив Кольку Самогона стукнуть по стволу кулаком. Но есть не спешил. Пять минут назад мимо проскочили сначала ржавая «копейка», а следом «десятка» Гаркуши. Сейчас Василий Иванович задумчиво чесал затылок, соображая, куда это они так летели.

- Куда это Гаркуша полетел? - продублировал он мысль вслух.

Колька Самогон, назначенный в напарники Чапаю, неуверенно пожал плечом:

- Кто ж его знает, но, судя по скорости, не иначе где-то что-то загорелось.

- Люди работают, - с завистью вздохнул Василий Иванович и снова развернулся в другую сторону, - а тут, блин, велосипед этот... Где его искать? Митрич разухарился - найдем! Это, мол, вызов нам, казакам. Ну, вызов. А где искать-то? Сам бы попробовал.

Колька недоуменно покосился на разворчавшегося Чапая:

- Да ты не дрейфь, Иваныч, найдем мы его. Неужто в своей родной станице и не отыщем? Наверняка, что-то кто-то видел. У нас, ты же знаешь, на одном краю станицы чихнешь, на другом тебе «Будь здоров» скажут. Все под контролем.

- Ну-ну, - недоверчиво покачал головой Василий Иванович, - это когда ты налево сходил, жене завтра же доложат, а вот если где чего украли, тут другой закон в действие вступает.

- Это какой же?

- Ничего не вижу, ничего не знаю, моя хата с краю.

В трех домах отсюда жил Жук. Воришка, вышедший из его двора с велосипедом, мог пройти либо здесь по улице в сторону центра, либо завернуть в другую сторону и по тропинке спуститься к реке. Тогда шансы найти его по горячим следам снижались до нуля. Он мог просто затащить велик в какой-нибудь куст, заросли которых здесь на берегу тянулись на несколько километров, и спокойно переждать, пока не утихнет шум и его не перестанут искать.

- Ну, и с чего начнем? - этот вопрос он задал скорее самому себе, чем стоящему рядом Кольке.

- Может, вон тех бабулек поспрошаем, - Колька кивнул подбородком на двух боевого вида старушек, внимательно приглядывавшихся к казакам. - Я их часто вижу. Они тут почти целыми днями сидят, наверняка, что-то видели.

- Давай попробуем, - Василий Иванович с тоской посмотрел на румяное яблоко и, опустив руку, первым зашагал к сразу подобравшимся старушкам.

Самогон опередил механика и издали поздоровался со свидетельницами:

- Здравствуйте, девушки-старушки!

- Нашел девушек, - отозвалась одна из них, похоже, старшая, - когда мы в девушках ходили, вас еще и задумках не было.

- А по мне все, кто женского пола, девушки, - балагурил Колька, - тем более мы к вам как к очень важным свидетельницам подошли, а не просто как старушкам... Понимать должны.

- Так это вы из казаков что ли? - сообразила другая старушка, помоложе. - Казакам мы всегда рады помочь. Чего надобно-то?

Василий Иванович присел рядышком на лавочку и затеребил подбородок, соображая, говорить ли им, как было на самом деле,

или попробовать обойтись полуправдой. Наконец решил сказать напрямую:

- Тут такое дело, бабушки, можно сказать, щепетильное. Кому другому я бы этого не сказал, а вот вам, сам не знаю почему, доверяю.

- Кому же еще доверять, как не нам? - тут же отреагировала старушка постарше, - Мы, чай, из того времени, из советского, когда все люди друг другу доверяли и того бардака, что сейчас поразвели, не было.

- Ну, ты не тни, говори уже, - старушки придвинулись ближе.

- В общем, бабушки, у нашего Атамана прямо со двора велосипед увели. Понимаете, до чего ворье обнаглело, уже никого не боятся. Прямо со двора у Атамана увести... это же надо... Как думаете, вор здесь от Жука прошел или в другую сторону свернул.

Бабушки переглянулись. Та, что постарше, сжала губы в строгую ниточку и повернулась к Чапаю:

- А во сколько это было?

- Вечером, часов в восемь.

- Часов в восемь... Мы как раз и вышли посидеть, правда, Валя?

- Ну да, как раз про ментов один сериал кончился, а второй еще не начался.

- Вот и наша помощь казакам понадобилась. Не зря, значит, сидим тут. А то говорят, «шагу без надзору не ступишь...»

- Ну, и что видели? - поторопил Колька.

- То и видели, - старушка помоложе сердито взглянула на нетерпеливого казака и сложила ладошки на животе, - ты не перебивай, сама расскажу. Вчера вечером Витька Беспалый на велике здесь проезжал. Я еще подумала, какой у него велосипед новый, откуда бы. Он же не работает, никак, думаю, украл где-то. Как в воду глядела.

- Точно, он украл, больше некому, - старушка постарше рубанула рукой воздух, - эти Беспалые все непутевые, помню, отец его Гришка колхозный трактор в пруду утопил. А еще он...

Василий Иванович, придя к выводу, что больше ничего полезного они здесь не добьются, быстро распрощался с наблюдательными старушками и в сопровождении Кольки поспешил по

улице в сторону площади. «Надо же, как нам со старушками повезло, - размышлял он, спешно удаляясь от них, - с первой попытки и сразу в яблочко». Его вслух поддержал Колька:

- Ну, вот видишь, считай, дело сделали, что настоящие следователи сработали. Бабки - они главная помощь для казаков. А ты говорил, не найдем.

- Я так не говорил, и вообще, подожди радоваться, еще не нашли ничего.

Где жил Витька Беспалый, знали оба, его полуразвалившийся небольшой домик служил для местной непросыхающей братии своего рода клубом, а для его соседей чистым наказанием, поскольку тут возле штакетника и пили, и дрались, и валялись на дороге в непотребном виде. И за топливом бежать далеко не надо было - прямо напротив торговала самогонкой тетка Зинаида. На нее уже давно станичники жаловались казакам, заодно можно было разобраться и с ней.

С утра перед «клубом Беспалого» было пусто. Провалившийся в землю от долгих лет жизни и отсутствия ухода почти наполовину домик, обитый фанерой, выглядел жалко. Калитка, давно сорванная с петель, валялась во дворе у полуразвалившегося саманного сарая. Перешагивая груды мусора и пластиковых бутылок, казаки приблизились к распахнутой настежь двери.

- Эй, есть там кто? - «следователи» остановились на пороге, явно брезгуя заходить дальше.

Никто не отвечал. Сообразив, что зайти все-таки придется, казаки дружно вдохнули и, зажимая носы, двинулись дальше. В углу единственной комнаты домика, с ободранной до подгнившего бруса штукатуркой кто-то спал на матрасе, завернувшись в холщовые мешки. Ароматы самогона и мочи витали в проветриваемом помещении так густо, словно они исходили от стен, пола и потолков. И никакой сквозняк не в силах был вынести их на улицу.

- Эй, ты кто? - Колька бесцеремонно растолкал обитателя домика ногой.

Тот медленно повернул голову. Подслеповато моргая, он долго разглядывал вошедших. Похоже, два здоровых казака, в светлых рубашках со строгим выражением лиц стоящие сейчас перед ним, никак не укладывались в оперативную ячейку его мозга.

- Чего? - хрипло выдавил он наконец.

- Чего? Ничего, вставай давай.

Тот нехотя уселся, протирая глаза. Это был не Витька Беспалый, а вообще неизвестно кто. По крайней мере ни Колька, ни Чапай его не знали.

- Ты кто такой? - Самогон повторил вопрос.

Он поднял голову и замер, постепенно наводя на изображение резкость.

- Я? Димон.

- Понятно, что Димон. А где Витька?

- Какой Витька? - сообразительностью он, похоже, не отличался.

- Витька Беспалый, хозяин дома.

- Так он ушел.

- Куда ушел? - Самогон уже с трудом сохранял терпение.

- Так, на ту сторону ушел, там, у адыгов, у него знакомый есть, так к нему пошел. Обещал выпить принести. А у вас нет ничего? - он с щенячьей преданностью заглянул по очереди в глаза казаков.

- Нету у нас, - отрезал Василий Иванович, - пошли, Колька, а то задохнемся сейчас. - Тот не стал перечить, и оба насколько могли быстро покинули комнату.

- Уф, ну и вонизма, - выйдя на улицу, Самогон вдохнул всей грудью, - теперь всю неделю этот запах будет мерещиться.

Василий Иванович отряхнул пыль со штанов:

- Сделаем так. Ты пока здесь где-нибудь неподалеку пристройся, держи «клуб» под наблюдением. Если Беспалый без меня придет, задержи. Ну, можешь обработать как следует. Его главная задача - отвести нас к адыгам за речку, показать, что там у него за человек есть. Это наверняка скупщик краденого. А я пока за Калашниковым сметаюсь. Они Виктора Викторовича почему-то уважают, не понятно почему, правда. Ну, да нам-то это без разницы. Факт по любому нужный. Добро?

- Добро. Я вот там, в тенечке устроюсь, на лавочке. А к Зинаиде не будем заходить пока?

- Зайдем, но попозже. Сейчас главное велосипед найти, пока перекупщик его никуда не сплавил, а то продаст кому-нибудь и ищи потом.

- Ну, хорошо, я жду. Постарайся побыстрей.

Василий Иванович кивнул, развернулся и поспешил по асфальтовому тротуару вдоль улицы. До автоколонны отсюда было минут пятнадцать ходьбы.

Виктор Викторович оказался на месте. Василий Иванович нашел его в ремонтном цеху, он вместе с дежурным слесарем возился под огромным тягачом. Быстро уяснив суть дела, Калашников вымыл руки, насколько это у него получилось, быстро переоделся и первым выскочил из цеха.

- Я пойду у Егорыча отпрошусь. Ты меня на крылечке подожди.

Отпросился он неожиданно быстро. Не успел Чапай подойти к конторе, как Виктор Викторович уже сбегал через две ступеньки с крыльца.

- У Атамана там целое совещание, участковый там и Гаркуша со Смагиным сидят, серьезные такие. Он мне только рукой махнул - иди, мол. Не знаешь, что там у них?

- А я сегодня, часа полтора назад, видел «десятку» Гаркуши, он за какой-то «копейкой» как реактивный летел.

- Что-то, видать, интересное. Ну да ладно, вернемся - узнаем. На твоей «Волге» поедem или моей?

У механиков были одинаковые машины - «Волги». Они были похожи не только в выборе профессии, но и в стремлении передвигаться только в просторном автомобиле. У Курова «Волга» была серебристая и на пару лет постарше, у Калашникова - зеленая. Оба чуть ли не с обожанием следили за своими «ласточками», и машины всегда находились в отличном состоянии.

- Давай на моей, я только вчера полный бак залил, - Василий Иванович потянул из кармана плотную связку ключей.

- Добро.

Кольки Самогона на лавочке не оказалось, поэтому подрулили сразу к дому Беспалого. Василий Иванович вышел из машины и сразу увидел Кольку. Тот стоял у стены фанерной развалюхи и что-то настойчиво втолковывал невидимому собеседнику, глядя на того в прямом смысле сверху вниз. Положение собеседника Самогона открылось, когда казаки вошли во двор. Витька Беспалый - вытянутый, худой до неестественности, про него говорили - как из концлагеря, лежал на спине прямо на мусоре и, не смея подняться, внимательно слушал Кольку. Увидев казаков, Самогон, усмехаясь, проговорил:

- Велосипедного маньяка поймал. Оказывается, он уже несколько лет по чужим хатам и дворам промышляет. Берет все, что под руку попадает, но велосипеды - это его конек. Как думаете, сколько он великов у нас по станции стырил?

Казаки выразительно промолчали.

- Двадцать семь! Он их, оказывается, коллекционирует, у него вон там, на косяке каждый зарубочкой отмечен, чтобы не сбиться.

- И куда он их деваает? - Виктор Викторович угрожающе остановился над Беспалым. Тот испуганно сжался.

- За речку продает, адыгу одному, Чехерды зовут. Ты его, Викторыч, должен знать, он у нас на базаре всяким железом торгует, старыми утюгами, ключами, в том числе и запчастями к великам. Теперь понятно, кто у него поставщик. Наверняка и остальной товар такой же. Надо будет его прощупать как следует.

- Знаю, конечно. Кто этого торгаша не знает. Сам у него пару раз запчасти для «УАЗика» колонновского покупал. Нормальный, вроде, мужик.

- Все они нормальные, пока на нашей территории находятся, - Виктор Викторович слегка завелся. - А как среди своих да еще в кодлу соберутся, так совсем другие люди. Горячие же парни. Им что человека грохнуть, что ворованное скупать - все едино не в падлу, лишь бы не работать. А такие вот, как этот, - Калашников толкнул Беспалого ногой. Тот вздрогнул и выкатил возмущенные глаза чуть ли не на переносицу, но промолчал, - этим сукам помогают.

- Это точно, - Самогон уперся взглядом в Витьку.

- Ну, ты, велосипедный маньяк, все сказал или что утаил?

Тот замотал головой:

- Ничего больше не знаю, все, как на духу.

Василий Иванович мрачно уставился на Витьку:

- Прощупать этого адыга надо обязательно. А сейчас давай поторопимся, пока он очередной велик не разобрал. Бери этого и тащи в машину, покажет нам, где его покупатель живет.

Колька наклонился, чтобы ухватить Беспалого за шкирку, но тот вдруг уперся ногами в землю и, оттолкнувшись, пополз в сторону.

- Колька, мы же так не договаривались. Ты же говорил - сдашь

его и свободен. Я сдал. Ты меня теперь отпустить должен.

Самогон хмыкнул:

- Ну, говорил. Так я от своих слов и не отказываюсь. Вот сдашь его, в смысле покажешь, где живет, и свободен, - и, наклонившись, все-таки ухватил извивающегося Витьку за шиворот, - а ну, вставай по-хорошему.

- Не поеду! Мужики, вы чего, он же меня грохнет, - заверещал Беспалый.

- Грохнет, туда тебе и дорога, - с другой стороны Витьку ухватил Калашников и, не взирая на его упорное, хоть и не отчаянное сопротивление, вдвоем легко подняли почти воздушное тело Витьки и запихали в машину. Сами сели по бокам. Василий Иванович мягко тронул с места. Машина быстро миновала широкие станичные улочки. На выезде из станицы у обочины дежурили две смазливые девушки. Они увидели приближающуюся «Волгу» и приняли рабочую позу - дружно выставили одну ногу в короткой юбчонке вперед, пристально вглядываясь в пассажиров. Виктор Викторович вдруг подался вперед:

- Стоят молодухи, ты смотри!

- Они тут все время стоят. Работа у них такая.

- Кто стоит? - не понял Самогон.

- Шлюшки. Иваныч, у тебя нагайка с собой?

- С собой. В бардачке, вон лежит.

- Ну-ка, Иванович, останови у девушек. Сейчас мы их снимем. Ты, Беспалый, молчи.

Тот охотно кивнул.

- Коля, а ты со мной - будешь их снимать. Ты - молодой. У тебя лучше получится.

- Сейчас, - Колька, сообразив, что задумал механик, взялся за дверную ручку, - хотя им без разницы: молодой - не молодой.

Машина плавно остановилась. Молоденькие девицы игриво хихикнули и медленно, покачивая бедрами, двинулись к «Волге». Колька первым выбрался из салона. Девушки с искусственными улыбками уставились на него. Виктор Викторович кинул приготовленную нагайку на сиденье и тоже вылез наружу. Девчонки были совсем юные. Механик даже засомневался, есть ли им 18. Одна с короткой, словно взбитой прической - блондинка, в крошечном оранжевом топики, прикрывавшем только грудь, и минимальной джинсовой юбке. Вторая - брю-

нетка - отличалась от первой только цветом волос и топики - он у нее был красный.

- Привет, красавицы! - Колька вразвалочку приблизился к девушкам, дружно выдохнувшим в сторону сигаретный дым.

- Привет, красавчик, - блондинка уперла руку в бок, - поразвлекаться желаешь? Берем недорого.

-Недорого, говорите, - Колька неуверенно обернулся на механика.

- Для нас деньги - не проблема. - К нему приблизился Виктор Викторович, скрывая за спиной нагайку. - Таким красавицам заплатим, сколько скажете.

Они живо переглянулись.

- Какие хорошие мужчинки, - протянула брюнетка, - щедрые.

- Ага, еще какие щедрые - угостим, будь здоров! - механик приблизился к ним еще, оставив Кольку за спиной. - Повернитесь-ка попками - хочу посмотреть, какие вы сзади.

Лукаво улыбнувшись, девушки развернулись и слегка выставили вполне симпатичные попки. Впрочем, сейчас никого их прелести не интересовали в том смысле, к какому они привыкли.

Механик раскинул за спиной нагайку. Колька, чтобы не попасть под раздачу, сделал еще шаг назад.

«Вжик», - коротко взвизгнуло орудие наказания. Глухой хлопок по почти оголенным филейным частям, показалось, совпал по времени с диким визгом возмущенных барышень. Они даже подпрыгнули, одновременно выгнувшись в противоположную сторону.

- Ты что делаешь - совсем офонарел?

- Придурок!

Не отвечая, Викторович вернул нагайку в исходное положение и снова занес руку.

Девчонки, как по команде, взвизгнули и бросились бежать. Впрочем, на каблуках по каменистой обочине они не успели сделать и шага. Следующий удар, еще более мощный, свистнул по их спинам, оставив вмиг покрасневшие рубцы. Это поддало им жара. Завизжав громче прежнего, они рванули по обочине в сторону станицы.

- Еще раз здесь увижу, арестуем и в клубе при всех выпорем.

По голым задницам! - Виктор Викторович азартно сворачивал нагайку. - И подругам всем передайте. Чтобы не показывались больше! Казаки запрещаю!

Подруги, наконец, сообразили скинуть туфли. Оглядываясь, они сбежали с дороги и припустили через луг к ближайшим домам станицы.

Колька свистнул им вдогонку.

- Может, догоним, - они все равно на крайнюю улицу выбегут, там их и встретим, - предложил Самогон.

- Хватит с них, - Виктор Викторович закинул нагайку в бардачок и устроился на сиденье. - Садись. Поехали.

Колька вздохнул и послушно полез в машину.

- Последние годы они все время тут стоят, - Василий Иванович, поглядывая в боковое зеркало, вырулил на дорогу, - притон устроили на обочине. - Он сплюнул в открытое окошко. - Стыда никакого нет.

- Теперь не будут стоять. Притон закрыт, все ушли, - Колька хохотнул, - на работу устраиваться. Викторович классно их отучил.

- Думаешь, отучил? - серьезно спросил Калашников.

- Конечно, отучил. Кто же после такого сюда вернется? Не дуры же они совсем.

- Посмотрим, - вздохнул Викторович.

- В другое место переберутся.

- Пусть только попробуют. Около станицы мы их теперь везде достанем.

- Если бы так все просто было, - Виктор Викторович обернулся, - а ты, Беспалый, что думаешь, придут еще?

Витька угодливо улыбнулся:

- Я бы не пришел, а что они думают, кто их знает.

- Вот так вот, - неопределенно подытожил механик, уселся прямо и замолчал.

Машина быстро набирала ход.

До аула за речкой добрались за час. Всю дорогу Беспалый молчал, напряженно сжавшись и глядя строго перед собой.

Когда вдалеке показались первые добротные дома селения, почти все под железными крышами, Витька вдруг четко проговорил:

- Остановите здесь.